

18+

Галина Суслина

СКАЗКИ ЖИЗНИ

Психологические рассказы и сказки

Галина Суслина

Сказки жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69568819

ISBN 9785006030732

Аннотация

Рассказы и сказки этой книги основаны на реальном опыте людей. В них происходит волшебная трансформацию героев, с помощью обычных предметов, людей, событий. В основе большинства из них лежат истории людей, их болезненные переживания, и те волшебные изменения, которые происходят не в процессе терапии, а в обычно-необычных условиях. Они помогают посмотреть на жизнь, на людей, на отношения, на себя с другого ракурса, лучше понять себя и окружающих, через житейскую мудрость, с любовью.

Содержание

Жизнь – она сейчас!	5
Биоробот Света	10
Красное пальто	16
Гарантии	22
Тренировка мозга	29
Отложенные страдания	34
Скорость	38
Волшебные тапочки	46
Бизнес-леди и Женственность	51
Как найти нормального мужика?	59
Сказ о женской миссии	66
50 лет без него	70
Право на крик	75
Виновата ли я, что люблю	84
Зеркало	90
Вырванные страницы	93
Маска Бога	100
Женщина легкого поведения	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Сказки жизни

Галина Суслина

© Галина Суслина, 2023

ISBN 978-5-0060-3073-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь – она сейчас!

– Дяденька, вы почему такой грустный?

Иван даже вздрогнул от неожиданности. Перед ним стояла девочка, похожая на ангела. Её золотые волосы переливались на солнце и искрились, как будто свет шёл от неё самой. Они свисали кудряшками на веснушчатое лицо, на котором сияла открытая искренняя улыбка. А в небесно-голубых глазах была какая-то недетская глубина.

– Я не грустный, просто задумался, – натужно улыбнувшись сказал Иван.

– Когда люди весёлые, они улыбаются и рот у них – вот так!

Она достала откуда-то мелок и нарисовала на асфальте дугу, изображая улыбку.

– А у тебя рот вот так. – И она нарисовала рядом ещё одну дугу в обратную сторону. – И глаза не улыбаются!

– Я же говорю, что я задумался, – улыбаясь аргументам этой девочки, лет четырёх-пяти, ответил Иван.

– А мой дедушка говорит, что, когда люди задумываются, они общаются либо с ангелами, либо с Богом, – не унималась девочка.

– Я общался с собой. Тебя как зовут? – всерьёз заинтересовавшись собеседницей спросил Иван.

– Значит, ты общался с Богом! Меня зовут Таиса.

– Почему с Богом, Таиса?

– Потому что в каждом из нас живёт Бог! – с таким же радостным видом провозгласила Таиса.

Иван был удивлён этой детской рассудительности и спросил:

– А ты общаешься с Богом внутри себя?

– Конечно! – невозмутимо ответила девочка.

– А о чём ты с ним говоришь? – любопытствовал Иван.

– Например, спрашиваю, почему люди грустные? И Он отвечает, что мне нужно пойти и спросить. А о чём ты задумался? Что ты спрашивал у Бога?

– Я? – немного растерянно переспросил Иван. – Я у него спрашивал, что мне делать, если я обидел человека.

– Ясно что, позвонить и извиниться! Чего тут спрашивать! Чего об этом грустить? – с удивлением и непониманием выпалила Таиса.

– Я не могу позвонить, – снова погрузнев, произнес Иван.

– Позвонить нельзя только ангелам! Вот я не могу позвонить своим родителям, потому что они стали ангелами. Но они рядом, они любят меня. Я с ними разговариваю, они слышат меня и радуются вместе со мной, – задумчиво улыбаясь и глядя куда-то вдаль сказала Таиса. Она посмотрела на Ивана, но как будто куда-то сквозь него:

– Твои ангелы тоже рядом с тобой. Они говорят, что не обижаются на тебя. Они не хотят, чтобы ты грустил, им тяжело видеть твою грусть. Они хотят, чтобы ты радовался.

И чтобы ты ей позвонил! – посмотрев ему в глаза и улыбнувшись во всю ширь своей очаровательной улыбки Таиса.

– Кому позвонил? Кто говорит? – опешил Иван.

Он смотрел на неё не моргая, видя всю чистоту и искренность, чувствуя, что она, и вправду, может общаться с ангелами и Богом, потому что она сама была, как ангел. Но в сознание это укладывалось с трудом. В голове звучали слова его девушки Веры: «Это они ушли, а ты – живой, и твоя жизнь продолжается. Им не нужно, чтобы ты хоронил себя вместе с ними...» И его возмущение: «Как же ты жестока! Ты не понимаешь, если я буду счастлив, это будет предательством по отношению к ним!»

– Ангелы твои говорят – твои родители, – невозмутимо ответила Таиса. – Они говорят, что любят тебя и им не нужно, чтобы ты хоронил себя вместе с ними. Они хотят, чтобы ты был счастлив! Именно для этого они подарили тебе жизнь. А кому позвонить – ты и сам знаешь.

Иван даже открыл рот от удивления.

А девочка всё так же смотрела на него своим синим взглядом и улыбалась. А потом вдруг засмеялась заливисто и звонко, как колокольчик.

Иван, глядя на неё, оттаял и улыбнулся. Её смех был таким заразительным, будто солнце брызнуло на него своим сиянием. И он не удержался и засмеялся вместе с ней.

Она взяла его за руку и потянула со скамейки:

– Пойдём покружimsя.

Он послушно поднялся и, подхватив её за руки, стал кружить. Она хохотала. Он тоже смеялся, и глаза его светились искренней радостью и благодарностью.

– Ну вот, теперь ты по-настоящему улыбаешься, – довольно сказала Таиса. – Можешь меня поставить!

Иван аккуратно опустил её на землю.

– Спасибо тебе, Таиса!

– Улыбайся, пожалуйста, – ответила девочка. – И запомни: «Жизни нет ни в прошлом, ни в будущем. Жизнь – она сейчас!» Так говорит мой дедушка, – полупшепотом сказала она Ивану.

– Тая, нам пора! – раздался бархатный мужской голос.

Иван обернулся на голос и увидел мужчину, сидящего на соседней лавочке. Он всё это время был там и, вероятно, просто наблюдал, делая вид, что читает книгу.

– Да, дедушка, я уже иду! – подмигнув Ивану, не переставая улыбаться, ответила Тая. Она повернулась и побежала навстречу мужчине, которого сложно было назвать дедом.

Мужчина встал со скамейки и направился в их сторону. Он был среднего роста, худощавого телосложения, с какой-то необычно свободной и легкой походкой. Он улыбался открытой и искренней улыбкой, смотрел такими же голубыми и чистыми глазами, как у Таисы. Только в них была ещё какая-то особая мудрость. Ему на вид было не больше сорока. И только абсолютно седые волосы делали его немного старше и выдавали, что его мудрость была получена на соб-

ственном опыте.

Он молча кивнул Ивану, как будто подтверждая и одобряя всё произошедшее только что, взял Таю за руку и повёл по парковой аллее.

Тая тут же переключилась на разговор с дедом и уже не обращала на Ивана никакого внимания. Иван ещё долго смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Таиса так и не обернулась.

Он достал из кармана телефон, нашёл номер Веры и нажал на вызов.

– Вера, прости, пожалуйста. Ты права! Жизнь – она сейчас! И я хочу жить и быть счастливым вместе с тобой!

Биоробот Света

Светлана вдруг заметила, что дышит через раз.

– Это всё Ленка, – подумала Света. – Это она сказала мне, что я как-то не так дышу, с каким-то придыханием. – И я теперь об этом думаю.

– А чё, Ленка? Она сказала, чего увидела, вернее услышала. Значит, я так дышу, что даже другим заметно, – ответила она сама себе, защищая подругу.

Света снова стала прислушиваться к себе. Дыхание, как будто замирает на какое-то время. А потом запускается снова. Она попыталась дышать ровно и глубоко. Но как только переставала контролировать процесс, дыхание снова замирало. Просто так, ни с чего. Она не нервничала, не перегружала себя физически, не ела лишнего. Просто спокойно сидела, листая соцсети, любуясь на котиков...

И за грудиной она стала чувствовать боль.

Боль

Светлана сидела в кабинете врача, ожидая вердикта. Она напряженно вглядывалась в его лицо, пытаясь прочесть на нём что-то...

– Легкие и сердце в пределах нормы, – сообщил ей доктор, глядя на снимки. – На вашей кардиограмме видно, что вы перенесли микроинфаркт. Где-то с полгода назад. Сейчас это рубец на вашем сердце, и он не мешает его нормальной

работе. Оно в норме, и при прослушивании сбоев я не слышу.

Отдыхать не забывайте, больше гуляйте на свежем воздухе, глубже дышите, практикуйте дыхательные практики и всё нормализуется.

Да, и с теми событиями полугодовой давности, сходите к психологу.

Всего хорошего!

– Спасибо, – тихо ответила Светлана, выходя из кабинета.

Она была растеряна. Она не понимала, о каких событиях говорил доктор. В последние полгода жизнь её была насыщенной (она реализовала пару новых интересных проектов), но эмоционально стабильной. Её проекты имели успех, и ей самой нравилось то, что она делает, но какой-то особой радости она почему-то не испытывала. Были моменты сильной усталости, но она договаривалась с собой и давала себе отдых при первой возможности. Поводов для беспокойства не было. Жизнь её текла, как спокойная река глубокой осенью.

Светлана шла по улице, не замечая происходящего вокруг. В глубокой задумчивости она почти наткнулась на столлик в уличном кафе. Света подумала о том, что, наверное, это знак, и ей пора согреться. Она заказала чай и села за столлик.

По тротуару скакали воробьи, выискивая между тротуарных плиток вкусные семена.

– Тебе на меня наплевать! Ненавижу! Я хочу забыть тебя, забыть навсегда!

Этот возмущенный и отчаянный крик за соседним столиком выдернул Свету из её задумчивости.

Девушка вскочила и в слезах побежала прочь. А парень остался за столом. Он допивал свой кофе.

Света почувствовала дрожь во всём теле. Как будто её окатили ледяной водой. Боль в груди стала сильнее.

«...Забыть...» – отозвалось у Светы в висках.

Официант принес её чай и подошёл к тому парню.

– Всё в порядке? – спросил он.

– Я сказал ей, что не люблю её, – тихо ответил парень. – Я не хочу ей врать. – Он расплатился и вышел.

Светлана взяла чашку – руки дрожали. Она сделала глоток и поставила её на стол.

«... Я тебя не люблю...» – застучало в ушах.

Она вспомнила... Вспомнила, как полгода назад её возлюбленный сказал ей, что не любит её, что есть та, которая ему милей. Она вспомнила и снова ощутила ту жгучую боль в груди. Такую, что невозможно дышать. Она вспомнила, как эта боль мешала ей жить.

Она вспомнила, как в ответ на свои просьбы «забыть о нём», она увидела, что они неразделимы, что он в каждой её клеточке. Они как будто сотканы из одной материи... и боль, которая её пронзила, – это разрыв. Это не просто разрыв их отношений, это как будто от неё по живому отрывали

кусок её тела и души.

Она вспомнила своё отчаяние. Вспомнила, как случайно или нет, она тогда встретила Шаманку и попросила её достать его из себя.

– Понимаешь ли ты, о чём просишь? – спросила её Шаманка.

– Да, понимаю, – ответила Светлана.

– Осознаешь ли ты, что просишь достать из себя Любовь? – уточнила она.

– Да. Ему не нужна моя любовь, и мне не нужна любовь к нему. Я хочу жить без боли. Я больше не могу её терпеть.

– Твоя воля – Закон! Ты сама так решила, – ответила ей Шаманка.

И в тот же момент боль утихла и Света вздохнула с облегчением.

По лицу Светланы текли слёзы. Её взгляд из стеклянно-отстранённого стал удивлённо-осознанным.

– Это же была Любовь! – прошептала она. – Это – Любовь!!! И это не любовь к нему конкретно, как думала я, а это Вселенская Любовь – та материя, из которой мы созданы, сотканы. И я сама, своим решением достала из себя Любовь!? И осталось... А что осталось? – Света непонимающе искала ответ.

– Что осталось? Биомасса... с проблесками интеллекта... – Света ехидно ухмыльнулась. – «Биоробот Света».

Тело бил озноб. Она схватила чашку и стала жадно пить

остывающий чай, пытаюсь согреться. Помогало плохо.

– И что теперь? – резко остановившись спросила она.

– У вас всё в порядке? – раздался над ухом голос официанта.

– Да. Нет. Не знаю, – заметалась Светлана.

– Могу я чем-то помочь? – спросил он.

– Вряд ли. Да. Чашку горячего чая, с любовью, пожалуйста! – выпалила Света неожиданно для себя.

– Одну минуту, – ничуть не смутившись, ответил официант и исчез.

Света все ещё пребывала в поиске ответа, когда появился официант:

– Ваш заказ: «Чашка горячего чая, с любовью». – И слегка улыбнувшись, он поставил на стол необычайно красивую чашку. Пар над ней светился и переливался радугой.

Света внимательно смотрела на кружку, на чай, на радугу, а потом взяла её в руки и с любопытством ребёнка, сделала глоток. Вкус был обычным и одновременно необычным. Очень вкусным. По телу стало разливаться приятное тепло.

Наконец-то, Света согрелась. В груди, на месте боли, тоже стало тепло. Оно не было обжигающим, оно было приятным и ласковым. С каждым глотком, ей становилось всё теплее и радостней. Внутри как будто разливался свет. Та радуга, которая была над чашкой, теперь разливалась внутри неё, в её груди. Глаза наполнились блеском улыбки. Дыхание стало глубоким и ровным.

Она вспомнила того мужчину, те чувства, и благодарность наполнила её сердце. Не было ни боли, ни обиды.

Она обернулась на официанта. Он с лёгкой улыбкой подошел к столику.

– Спасибо. Восхитительный чай. Он, действительно, с любовью. И с радостью, – сказала Света с улыбкой.

– Ваша воля – Закон. Всё в Ваших руках. А радость – она не бывает без любви, – ответил он.

Света вскинула на него удивленный взгляд:

– Где-то я это уже слышала.

– Законы Вселенной звучат отовсюду. Главное – научиться их слышать и применять.

Светлана увидела или ощутила, что его улыбка, необычайно теплая и светлая, струилась из глаз. И тут она обратила внимание на его бейджик, на котором было написано: «МАСТЕР СЧАСТЬЯ».

– А Вы, действительно, Мастер счастья! Спасибо Вам! – сказала она, прищуриваясь от выглянувшего солнца. Он лишь кивнул ей в ответ.

Света расплатилась, ещё раз поблагодарила за гостеприимство и, сияя светлой улыбкой, пошла дальше по улице.

Она радовалась выглянувшему солнцу и осеннему ветру, любовалась опадающими листьями и игривыми воробьями. Она радовалась вкусному осеннему воздуху, который вдыхала полной грудью. Она радовалась жизни.

Красное пальто

Василиса смотрела, как заворожённая, на манекен в красном кашемировом пальто. Пальто было пошито достаточно просто, что называется, в «классическом стиле». Слегка при-
таленное, длиной до колена и с воротником-стойкой, под которым был изящный бант. Она даже не понимала, что именно привлекло её внимание. Она просто стояла у витрины и смотрела.

Проходили люди. Кто-то ворчал, кто-то, задевая, извинялся, на мгновение выдергивая её из этого созерцания. Но она как будто не замечала происходящего вокруг. Она смотрела на этот манекен не отводя глаз. Он стоял в витрине павильона, расположенного в большом торговом центре. Василиса зашла туда, чтобы купить себе весеннюю куртку. Она выбирала всегда практичные вещи в тёмных тонах. Чаще всего это были болоньевые куртки или пальто, которые она наносила по несколько сезонов, до тех пор, пока они не становились совсем обшарпанными. Нельзя сказать, что она совсем не следила за модой, но всё же чаще старалась покупать вещи, которые «вне моды», вернее из неё не выходят, предпочитая спортивный стиль, разбавленный классикой. Это была экономия времени и нервов. Она не очень любила походы по магазинам. И вот, проходя у этого павильона, её взгляд остановил этот манекен в красном пальто.

Сколько времени она так стояла? Наверное, долго. Судя по тому, что продавщица вышла из павильона и обратилась к Василисе:

– Девушка, это пальто как раз вашего размера, попробуйте примерить!

Василиса перевела непонимающий взгляд на продавщицу и сказала:

– Ну что вы, оно совсем не в моём стиле!

Продавщица очень мило улыбнулась и ответила:

– Я предлагаю вам просто его примерить. Просто почувствовать себя в этом пальто и посмотреть на себя в этом стиле.

Продавщица была очень милая и Василиса согласилась. Она прошла в павильон за девушкой, которая подошла к манекену и ловко сняла с него это красное пальто.

– Пойдёмте в примерочную, – сказала она.

Василиса последовала за ней.

– Ставьте сумку, снимайте свою куртку, вешайте на плечики, – распорядилась продавщица. – Я помогу вам надеть пальто.

Василиса поставила свою сумку, послушно сняла куртку и повесила на плечики и позволила продавщице надеть на себя пальто, и даже застегнуть пуговицы.

Когда Василиса подняла взгляд и посмотрела в зеркало, она даже немного опешила. На неё смотрела незнакомая очаровательная женщина, полная достоинства. Пальто было как

будто скроено по её фигуре.

– Пойдёмте в зал, там есть большое зеркало и освещение лучше, – сказала продавщица.

Василиса следовала за продавщицей, не до конца осознавая происходящее.

– Я же сказала, что это пальто как будто пошито для вас, – проводив Василису к зеркалу, констатировала продавщица. – Да вы сами посмотрите, оно идеально на вашей фигуре. И вы совершенно не правы, говоря, что оно не в вашем стиле. Классика вам идёт и цвет очень к лицу.

Василиса видела это и сама. Она нравилась себе. Она чувствовала себя настоящей Женщиной. Она удивилась тому, что сегодня, как будто специально, вместо любимых джинсов надела вдруг юбку. Джинсы бы испортили эффект. А так, её стройные ножки, обутые в ботинки в стиле «казачок», гармонично дополняли образ.

Она подумала:

– Почему я никогда не носила подобные вещи? Я даже не рассматривала для себя такие варианты.

– Конечно, решать вам, но я бы даже не раздумывала. Оно идеально для вас: подчеркивает красоту и стройность вашей фигуры, вашу женственность и утончённость. Кроме того, это последняя модель коллекции и на неё пятидесятипроцентная скидка. Вы ещё полюбуйтесь, почувствуйте его, посмотрите, а я пока девушке отвечу.

С этими словами продавщица удалилась навстречу во-

шедшей девушке, а Василиса снова посмотрела в зеркало.

В нём она вдруг увидела свою маму. Маму, которая стоит посреди комнаты в красном драповом пальто с песцовым воротником. Ей примерно столько же лет сколько Василисе сейчас. Она смотрит на себя в зеркало и ей нравится своё отражение, она улыбается. Но входит бабушка и улыбка резко исчезает. Мама снимает пальто и снова вешает его в шкаф.

– Мамочка, почему ты не носишь это пальто? Ты в нём такая красивая, – дёргает её Василиса.

– Потому что оно красное, – говорит бабушка.

– Я уже, наверное, не в том возрасте, чтобы носить красное, – добавляет мама.

Василиса не понимала. Она поняла уже потом, что её мама после смерти отца практически всю оставшуюся жизнь носила по нему траур, боясь осуждения людей и собственной матери. Она выбирала тёмные вещи. А это красное пальто, купленное вместе с подругой, которая вскоре вышла замуж и уехала, так ни разу и не надела.

Она надеялась, что Василиса будет носить его, когда вырастет, но когда дочь подросла, стало ясно, что у них разные фигуры и это пальто ей не подходит. В итоге, оно так с этикеткой и было отдано каким-то погорельцам лет через 10.

Только сейчас Василиса поняла, что она тоже, как мама, выбирает тёмные неяркие вещи, чтобы не выделяться, чтобы никто не осудил. Она как будто продолжает носить этот траур...

В горле у Василисы стоял ком, по щекам текли слёзы. Слёзы боли и обиды. Она почувствовала всё, что чувствовала тогда её мама, глядя на себя в зеркало в том красном пальто. Она чувствовала себя Королевой, яркой и привлекательной Женщиной. Ей очень хотелось выйти в нём и показать себя миру, но брошенный её мамой осуждающий и укоряющий взгляд лишил её этой возможности. Она почувствовала всю мамину боль, всю её вину за желание хорошо выглядеть и за потраченные впустую деньги. Почувствовала всю ущербность, когда ещё пару зим она надевала своё старое, уже потрёпанное синее пальто, потому что купить ещё одно новое не могла себе позволить.

— Я куплю это пальто, мамочка, — прошептала Василиса. — И я не повешу его в шкаф, я буду его носить.

От этого как будто что-то изменилось у неё внутри. На душе стало легко, очень спокойно и даже радостно. Её осанка стала ещё ровнее и как-то свободнее. И уже не только пальто было тому причиной.

Василиса вытерла слёзы.

Она посмотрела на ценник. На нём стояла цена 10 000 рублей. У Василисы на карточке после оплаты всех счетов, оставалось 5000 рублей. И ещё рублей 200 в кошельке. А до зарплаты ещё полторы недели. Она рассчитывала купить себе что-нибудь тысячи за 2,5—3,0, чтоб осталось на жизнь.

Но решение было принято. К тому же со скидкой, она

как раз укладывалась в назначенную сумму. А на 200 рублей можно как-нибудь протянуть. Тем более, что продукты она вчера закупила.

– Ну что вы решили? – спросила продавщица, вовремя распрощавшаяся с несостоявшейся покупательницей.

– Я беру его, – спокойно и уверенно сказала Василиса. – И, пожалуйста, снимите ценник и упакуйте мою куртку, я пойду в нём.

Продавщица улыбнулась и кивнула:

– Конечно, пойдёте. Я рада, что вы решили его купить.

– Спасибо вам.

Она расплатилась, взяла пакет с курткой и счастливая вышла из торгового центра. Ветер освежающим потоком встретил её на улице. В нём уже улавливались запахи весны, хотя было ещё морозно.

Василиса улыбнулась ветру, этому едва уловимому запаху весны и направилась пешком в сторону дома. Она чувствовала себя Королевой. В ней проснулась женственность и желание нравиться и даже флиртовать. Её переполняла радость и гордость и при этом лёгкость, и какая-то детская игривость.

В сумке дзинькнул телефон, пришла СМС-ка. Уведомление от банка о списании она уже получила, поэтому с любопытством достала телефон.

Василиса открыла сообщение: «На вашу карту поступили 5000 руб»...

Гарантии

– А какие гарантии вы мне дадите? – нервно, дрожащим голосом, спрашивал молодой человек, похожий на старый английский зонт. Он был сгорбленным и напряженным, и от этого казался гораздо старше своих лет.

– В смысле, гарантии? – бабуля посмотрела на него поверх очков, которые, казалось, она носит лишь для солидности. Она не была совсем бабулей в общепринятом представлении. Это была худощавая женщина, с пронизательным взглядом и острыми чертами лица. Но её пронизательность, даже некая настороженность, её хватка, низкий резковатый голос, создавали впечатление повидавшей в жизни гораздо больше, чем обычные женщины в её годы.

– Здесь тебе не химчистка, чтоб гарантию давать, – резко добавила она.

– Ну, а все-таки? Я ведь вам не пиджак отдаю. Вещь дорогая, ценная для меня! – не унимался посетитель.

– Вещь говоришь? Ценная для тебя? – пробасила, передразнивая, тётка.

– Ну, да! Ценная! – пропищал молодой человек.

– А что ж ты с этой дорогой и ценной вещью так обращаешься-то, как с половой тряпкой? – вопрошала женщина, сверля его своими карими глазами.

– Как это? Почему это? – возмутился посетитель.

– Вот и я спрашиваю: как и почему это произошло?

– Ну я, это... Да не было такого!!!

– Ну как же не было? Посмотри на эту дорогую тебе вещь!

Посмотри, в каком она состоянии. Да и зачем тогда пришел—то сюда? Вот с твоих же слов записано: «Ноги не идут, руки не держат, глаза не глядят, голова, как обручем сдавлена, и дышать тяжело, как будто в бетон замуровали...»

Мужчина опустил глаза.

– Посмотри в зеркало-то на себя: спина вон сгорбленная, как у старика столетнего, голову чего в плечи втянул, как черепаха? Позвоночник, значит, тоже не в порядке. Сердце того и гляди выскочит, я его отсюда слышу.

– И одышка ещё... – почти шёпотом добавил мужчина.

– Голос—то твой где? Чего ты мне шепчешь? Шептать надо ласковые слова на ушко девушке любимой. Девушка-то есть?

– Нет, – вздохнув, сказал парень. – Да и когда мне девушку-то заводить, всё время работа занимает, – оправдывался он.

– Ну, конечно! А работу-то я тебе выбрала что ли? Получается она у тебя вместо девушки! – с усмешкой добавила женщина.

– Как это?

– Ну как-как, как в том анекдоте:

«Один мужик другого спрашивает:

– Тебя твоя работа полностью удовлетворяет?

– А как это понять?

– Вот ты на работу едешь, видишь красивую девушку и тебе её хочется. А с работы едешь, видишь ту же девушку, тебе её уже не хочется. Значит, работа тебя полностью удовлетворяет!»

Так и у тебя, выбрал такую работу, что она тебе не только девушку, она тебе и жену заменяет.

– Нет, я люблю свою работу! – просипел он.

– Так я и говорю – работу любишь! А сюда-то чего пришел?

– Как чего? Работать не могу. Голова болит так, что ничего не соображает, буквы и цифры сливаются – ничего разобрать не могу, руки дрожать стали, а у меня работа ответственная. Помогите здоровье восстановить!

– Ах, восстановить! Да ещё и с гарантией! – наигранно кудахтала женщина.

– Ну, да! Вы зря наговариваете, что я его не берёг. Я о своём здоровье заботился. Я не пью, не курю, пишу вредную не ем, на вегетарианское питание вот перешёл, в спортзал хожу два раза в неделю, – всё увереннее отчитывался молодой человек.

– И нравится ему такая жизнь?

– Кому?

– Здоровью твоему?

– Ну, должна. Все же говорят, что так правильно, – смутившись, ответил парень.

– Правильно, говоришь? А чего ж тогда еле ходишь?

Парень пожал плечами, вернее ещё сильнее втянул голову в плечи.

– Зачем оно тебе нужно, здоровье-то?

– Как это зачем? – парень стоял в состоянии лёгкого ступора. – Это же очевидная вещь, чего об этом спрашивать.

– Зачем тебе здоровье? – настаивала дама.

– Ну, чтобы жить! – задумавшись, ответил парень.

– А ты живёшь?

– Ну, да. К чему вы клоните? – парень посмотрел недоуменно, немного прищурившись.

– Да я открытым текстом тебе говорю, что при такой жизни у тебя одна ГАРАНТИЯ – быстрый исход! – отрезала женщина.

– Как это? Почему? – всё ещё не понимая хлопал он глазами.

– Разве это можно назвать жизнью? Для чего ты живешь? – добивала его тётка.

– Ну, у меня хорошая работа, меня уважают... – всё неуверенней отвечал парень, погружаясь куда-то вглубь себя.

– Хочешь-то ты чего? Работа... – сокрушённо опустила руки женщина.

Парень молчал, как будто искал что-то внутри. Вдруг в глазах его мелькнула искра, и на лице появилась мечтательная улыбка. Он ещё немного помолчал, а потом сказал:

– Я всегда хотел танцевать, – и, погрузнев, продолжил. –

Мне как раз исполнилось пять лет. В доме собрались гости и кто-то спросил, кем я хочу быть, когда вырасту. И я ответил, что хочу быть танцором. Мы с девочкой из соседнего подъезда, с которой вместе ходили в детский сад, приготовили танец для гостей. Но когда я сказал об этом, отец поднял на смех моё желание, сказав при всех, что танцоров у нас в роду не было и никогда не будет. Мне было так больно, так обидно тогда. Я заплакал. А он сказал, что мужики не плачут и если я не перестану его позорить перед гостями, то я ему не сын. Я перестал плакать, но танцевать я не смог. Моя подруга обиделась на меня и перестала со мной дружить.

Его тело выглядело окаменело-неподвижным, желваки выдавали всё напряжение, которое он испытывал, в глазах блеснули слёзы, но он быстро спрятал их и продолжил:

– Я выбрал мужскую профессию – инженера, как хотел отец. Но отца так и не смог простить, хоть его уже и нет давно. Да и с девушками, наверное, поэтому не складывается – боюсь, что предадут. Хотя, ведь это я предал тогда свою подругу, она-то была не причём. Вернее, даже не её, я себя предал. А она это почувствовала, поэтому и обиделась. И это я себя не могу простить до сих пор. И эту ненавистную работу навалил на себя, в наказание за предательство. А отец что? Он деревенский работяга. Он же хотел, как лучше, хотел научить меня быть мужиком и даже в секцию по боксу меня отдал. Но я там долго не выдержал, правда, защищаться научился и постоять за себя теперь умею. Только против

себя это как-то не получается. Я же сам себя мордую, как себе-то противостоять?

Он грустно улыбнулся.

– А может просто перестать мордовать? – голос женщины стал каким-то другим: более мягким и спокойным. От него повеяло теплом и принятием.

– Перестать мордовать? А это неплохая мысль. Ведь и вправду, смысл-то в этом какой? Довел себя до непонятно какого состояния. Работа, тренажёры, вегетарианство... Не моё это всё, ничего из этого мне никакого удовольствия не приносит. Бросить всё что ли и заняться танцами?! На профессиональном уровне, конечно, мне уже ничего не светит, а так, для себя, для удовольствия. Просто жить начать!

Лицо его осветилось улыбкой, в глазах заблестела радость, плечи расправились и голос зазвучал уверенно и красиво. Он даже как-то резко помолодел.

– Да, пожалуй, так и сделаю! Может и девушку себе найду. А с работой – сначала отпуск возьму, а потом решу, что с ней делать. Спасибо Вам!

– А «пиджачок-то» – вещь-то свою ценную, оставлять передумал? – с доброй хитринкой, улыбнулась женщина.

– Так уже в норме всё. Голова не болит, дышу легко, даже спина расправилась, ноги танцевать просятся! И даже зрение лучше стало, видеть чётче стал. Вон, напротив, вижу кафешашлычная, пойду-ка шашлычком пообедаю, организм по-

радую. Здоровью моему он сейчас на пользу будет, – проговорил он уже на ходу, открывая дверь.

– А говоришь, гарантии! – не скрывая усмешки, сказала заметно подобревшая женщина.

Тренировка мозга

Решила я, что надо тренировать мозг. И пошла на танцы.

А что, не стихи же учить? Банально как-то. Работа у меня умственная, а учёные говорят, что надо менять вид деятельности, чтобы мозг тренировать. Нет, для тела у меня тренировка есть: приседания, отжимания, растяжки всякие и прочие упражнения. А вот для мозга... А то он меня что-то подводить стал.

Сижу на совещании, начальника слушаю и всё понимаю, понимаю, что он очередную ахинею несёт, сверху спущенную, и всё помню, и даже сочувствую ему. А потом раз, и как корова языком слизала: ничего не помню, что он говорил.

Или вот новости смотрю: слушаю внимательно комментатора, и он всё там правильно говорит, но в какой-то момент отслеживаю, что я уже не слушаю его и не понимаю о чём он.

Или какой научно-эзотерический фильм смотрю. И так интересно, и понимаю, что я с этой позиции не смотрела и мне этот подход нравится, а потом раз, уже ловлю себя на путешествии в какие-то иные миры и тонкие энергии, про которые в фильме вещают.

Короче, мозг мой стал непредсказуемым, неконтролируемым, вот и решила, что его тренировать надо.

И вот танцы, решила я, самое то.

Пришла я. Стою. Смотрю.

Инструктор объясняет и хорошо так, доходчиво, и я всё понимаю, что он говорит, но мозг – предатель, как завопит:

– Я это не могу. Надо сначала в записи посмотреть, инструкцию почитать, а потом делать будем. А сейчас, не могу!

И стою я, как дура, посреди танцпола – ни рукой, ни ногой пошевелить не могу.

Инструктор ещё, как назло, говорит:

– Корпус почувствуйте. Силу в нём ощутите.

А у меня там силы нету, у меня вся сила в мозге. Он же главный. И он меня, зараза, вниз потянул и я чуть равновесие не потеряла. От напряжения голова закружилась и мозг совсем работать перестал, отключился. Глаза вообще, наружу видеть отказываются. Как в каких-то 3д очках. И вижу я себя со стороны и изнутри одновременно.

Мозг в голове тяжёлый и кипит, как раскаленный шар. В коленках и ступнях опора есть, а в теле – пустота. Как будто ветер там гуляет и тело на этом ветру, как тряпочка болтается.

Его мозг удержать пытается, кряхтит, пыжится, а не может. И холодно так внутри, прямо аж костями холод ледяной чувствую.

И мозг телу говорит:

– Говорю же, инструкция нужна. Ты без неё не можешь.

А тело ему отвечает:

– Это ты без инструкции не можешь. Привык всё контролировать и с инструкцией сверять. Слава Богу, сердце у ме-

ня без инструкции работает, и лёгкие воздух без инструкции вдыхают, и желудок пищу без инструкции переваривает, и все железы работают сами, без твоего контроля.

Вон доконтролировался до чего – в тряпочку беспомощную меня превратил. Ты на танцы зачем пришёл?

– Ну как? Новому чему-нибудь научиться.

– Отдохни, расслабься. И просто наблюдай. Не мешай мне танцевать.

– Ну ты же неправильно будешь делать!?! – вопит мозг.

– Ну и что. Я же учууусь! А ты мне вообще никак делать не даёшь. Помнишь может ещё, как дети учатся? Ходить меня ты что ли учил?

– Дети кривляются, а взрослым обезьянничать неприлично. Смеяться все будут.

– Да пусть смеются. Смех, кстати, расслабляет. И жизнь продлевает и здоровье восстанавливает. А про зеркальные нейроны не ты ли мне втирал? По видеозаписи-то ты как учиться собирался?

Ведь всё равно повторять движения надо. Только ты сзади наперёд начинаешь. Сначала анализируешь, а только потом делаешь. И ещё всё с инструкцией сверяешь и контролируешь по ходу. Никакой у тебя свободы движения, никакого удовольствия. А это танцы, между прочим.

А ты попробуй просто наблюдать за другими и за мной, когда я буду пробовать. А уж потом анализировать, что получилось, а что нет.

– А чего, так можно? А ты не упадешь, без меня? – усомнился мозг.

– Спасибо тебе за заботу. Я не упаду, обещаю. Особенно, если расслаблюсь, – смягчилось тело. – Просто не создавай своим контролем во мне напряжение.

Смотри, как там внутри, во мне всё замечательно работает.

И мозг увидел сердце, как оно бьётся, как кровь движется по сосудам, как она насыщается в лёгких кислородом, как разносится по организму. Увидел, как пищеварительная система расщепляет пищу вырабатываемыми ферментами, и даже в кишечнике и в мочеполовой системе всё красиво и все внутренние системы чётко и слаженно работают.

И мозг вдруг заметил, что в теле сила появилась. Оно не пустое, оно наполненное. Внутри него жизнь пульсирует и клокочет. И ноги тверже стоять стали, увидел он, что мышцы и связки скелет надёжно держат. И плечи расправились, осанка красивая появилась, и тяжесть из головы ушла.

– Молодец какая! Смотри, как у тебя легко получается, прямо с первого раза, – прозвучал над ухом голос инструктора.

Мозг включился в реальность.

Я даже не сразу поняла, что это инструктор мне сказал. Я и не заметила, как тело начало движение в такт музыке и указанию инструктора. И такое приятное тепло по телу разливалось, и какое-то невероятное сочетание лёгкости и устой-

чивости, той твёрдости корпуса, о которой инструктор говорил, и расслабленности тела. Я давно такого не чувствовала. И я вдруг заметила, что улыбаюсь.

В общем, танцевать мне понравилось. А мозг я с тех пор не ругаю. Только хвалю. Он всё правильно делал, и главное – пришёл тренироваться на танцы.

Ну сами посудите, где ещё ему можно так расслабиться и отдохнуть?

Отложенные страдания

Страдания по поводу разрыва отношений с Толиком Оля решила отложить до субботы. Ну так, чтобы не страдать на бегу, в перерыве между докладами на конференции и подготовкой к этим докладам. Кроме того, она прекрасно понимала, что выступать перед публикой с трясущимися от переживаний руками и, уж тем более, с зарёванными глазами, — не самый лучший способ самопрезентации.

Страдать она решила с чувством, с толком, как говорится, с удовольствием. Она любила делать это в одиночестве, не распыляясь на объяснение причин и собственных по этому поводу эмоций.

Вечером в пятницу, когда все рабочие вопросы были решены, подведены итоги её научных изысканий и успешного выступления, она смогла расслабиться и переключиться на подготовку к страданиям. Она зашла в магазин и специально для этого купила бутылку вина.

Домой она пришла поздно. Усталости накопилось столько, что она едва смогла добраться до постели. Мысли о выступлениях постепенно отступали, и появлялся Он. Воспоминания о том, как было хорошо вместе, и сожаления о том, что вместе не сложилось, вызвали боль. Она была такой сильной, что Оле хотелось кричать. Хотя, боль отдавала в сердце и даже в левое плечо, Оля понимала, что это была

не физическая боль, а боль душевная. Ей стало себя ужасно жалко, слёзы хлынули из глаз. Комок обиды разрастался удушьем в горле, скулы сводило от боли, с которой она сдерживала крик.

– Ну, почему? За что? Зачем? – целый рой вопросов закрутился у неё в голове.

И в этом вихре мелькнула мысль:

– СТОП! Я же решила, что страдать буду завтра. У меня сейчас нет на это сил, надо сначала хорошенько выспаться.

Она зацепилась за эту мысль, как за спасительную соломинку. Всё остальное стало постепенно меркнуть, так, что она не заметила, как заснула.

Проснувшись она от того, что организм просился в туалет. В голове была тяжесть и шум. Мысли опять нахлынули, и слёзы потекли снова. В мыслях, в слезах, с ощущением внутреннего напряжения и мучительной тоски, она даже не отследила, как на автомате поставила чайник и заправила постель.

Оля посмотрела на бутылку вина, которая стояла на столе и поняла, что ей и так горько, и усиливать горечь совершенно не хочется. Да и ощущения практически уже похмельные. И хочется сладкого с её любимым чаем. Но заглянув в шкафчик, она обнаружила, что чай закончился, и шоколад она весь подъела в процессе подготовки к выступлению. Даже конфет осталось всего пара штук.

– Как-то плохо я подготовилась к страданию, – решила

Оля. – Ну что ж, сейчас сварю себе кофе и лягу в постель, страдать дальше. Она выпила кофе, не испытав при этом никакого удовольствия. Потом она заварила себе чёрный чай и, вприкуску с конфетами, выпила чашку. Стало чуть легче.

Зайдя в спальню, она увидела, что постель заправлена, и расстроилась. Тогда она решила, что возьмёт книгу и ляжет на диван. Но лечь на диван в ночнушке было как-то не очень. И она подумала, что надо надеть своё любимое домашнее платье. Платье оказалось постиранным, но не поглаженным. В мятой одежде ходить Оля не любила. Ничего другого надевать не хотелось.

Оля включила утюг, чтобы погладить платье. Пока она его гладила, поняла, что надевать чистое платье на «грязное» тело ей некомфортно. А душ она не принимала ни вчера вечером, ни сегодня утром. После всех событий вчерашних – дневных и вечерних – и страданий, в которых она пребывала, тело потребовало очищения. И она решила, что принять душ ей просто необходимо. А пока, она перегладила и убрала постельное бельё, которое стопкой лежало рядом.

– Наконец-то, душ!

– А может ванну с солью, чтобы снять негатив?

– Нет, не хочу ванну!! – мысленно рассуждала Оля. – Лучше так солью натереться. Да, правильно, со сметаной, чтобы кожу напитать.

В душе она уже почти не плакала. Смыв первую волну негатива и слёз, она стала бережно натирать своё тело сме-

танно-солевым скрабом. А как можно плакать, напивая тело?

Смывая солевой скраб, Оля прямо физически ощущала облегчение. Выйдя из душа, она облачилась в своё любимое наглаженное платье и посмотрела на себя в зеркало.

– Ну что ж я такая красивая буду страдать? – улыбнулась она. – В конце концов, ведь это я себе боль причиняю своими страданиями. Хватит этого мазохизма.

– И вообще, за шоколадом надо идти. И за чаем.

Оля уложила волосы, оделась и вышла на улицу. Там всю светило весеннее солнце, согревая и пробуждая природу ото сна, щебетали птицы, и уже летали первые бабочки.

Оля улыбнулась и подумала:

– Жизнь так прекрасна!!! Какой смысл страдать?! Боль – она, конечно, есть, но и она постепенно пройдёт. Жизнь продолжается!

Скорость

Света летела по трассе со скоростью 160 км в час. Она любила погонять и за рулём испытывала настоящее удовольствие, которого в её жизни было не так уж и много.

Она была довольна собой. Она хорошо водила машину, и ей делали комплименты даже мужчины. Её друг, когда они познакомились, ни в какую не хотел садиться к ней в машину. Он говорил, что не доверяет женщинам-водителям, потому что в его жизни был уже опыт, когда он по легкомыслию отдал женщине руль, и они чуть не погибли.

Однажды, в силу обстоятельств, друг был вынужден поехать со Светой, после чего сказал, что никогда не видел, чтобы женщина испытывала такое наслаждение, управляя автомобилем. Он признался, что он восхищён тем, как искусно и с какой любовью она это делала, заметив, что ничего подобного сам не испытывает и водит машину из необходимости.

Света только что утерла нос нескольким мужикам и, гордая собой, наслаждалась поездкой.

160 км – предел возможностей её выдавшей виды «девятки». Но в машине только что заменили свечи, и она легко и резво бежала вперёд, радуя хозяйку.

Смеркалось. Света проехала уже триста километров, ей оставалось всего полсотни и она была в прекрасном распо-

ложении духа.

Играла громкая музыка. Света подпевала приёмнику: «Дави на газ, давай мой мальчик, дави на газ...», прокручивая в мыслях недавно произошедшую ситуацию. Она думала, какая она молодец и какие мужики – сволочи.

Перед ней был поворот, в который она влетала, чуть сбавив скорость до 120. Вдруг за поворотом, прямо на дороге, она увидела белый силуэт.

Она ударила по тормозам, и машина остановилась, как вкопанная, в нескольких сантиметрах от силуэта. Света не успела выдохнуть, как силуэт вспорхнул и полетел через дорогу.

По спине пробежал холодок. Она не смогла разглядеть, что это было. Это не могла быть птица – слишком уж большая, размером с человека.

Светлана съехала с дороги и выключила музыку. В этот момент из-за следующего поворота вылетел КАМАЗ. Вероятно, водитель заснул за рулём и проснулся перед самым поворотом. Он старался изо всех сил выровнять машину, но её водило по всей дороге. Он пронёсся в полуметре. Если бы она не остановилась, то столкновения было бы не избежать.

В её памяти всплыл момент, когда однажды на узкой дороге на обгон колонны встречных легковушек на встречу почти перед ней вылетел КАМАЗ. Обочина была слишком узкой, чтобы они могли разъехаться, и если сворачивать с дороги, то её точно ждал бы кювет. В машине кроме Светы

тогда было ещё 2 человека. Она хладнокровно жала на тормоз, наблюдая приближающийся КАМАЗ. Но мата сдержать не смогла.

Спасибо, что водители встречных легковых машин, адекватно отреагировали и притормозили, пропустив перед собой этого сумасшедшего. В итоге не спровоцировали ни встречного столкновения, ни затора на своей полосе.

Её пришлось извиниться за ненормативную лексику перед своими коллегами, один из которых был её начальником. Тогда она больше испугалась за них, за пассажиров, чем за себя. А сейчас?

Сейчас она не то, чтобы испугалась, она понимала, что всё могло закончиться трагично. Её встревожил факт с этим белым силуэтом. Что это было?

Конечно, она устала. В принципе можно было допустить, что она задремала, и этот силуэт ей приснился. Но она пела, и сна не было ни в одном глазу. Она была даже в слегка возбуждённом состоянии. И почему именно сейчас? Почему за минуту до этого КАМАЗа?

«А может это был Ангел?» – подумала Светлана.

– Ну, наконец-то! – услышала она облегчённый выдох.

– Что наконец-то? – удивилась Света.

– Наконец-то, я до тебя достучался.

– А ты кто?

– Как кто? Ты же сама сказала – Ангел.

– Что прям настоящий?

– Самый что ни на есть!

– А что, ты долго стучался?

– Конечно. Ты же сама сейчас один из моментов вспомнила. Тоже ведь с хорошей скоростью летела. Зачем? И сегодня. Свечи тебе пришлось подкоптить. Так нет, новые купила.

– Это тоже ты?

– Конечно. На трёх свечах ты ж так не летала.

– Ну да.

– Надо было тебе мастеру позвонить.

– Ну а как же! Я не могу на неисправной машине ехать. А представь, что тормоза неисправны были бы. Я б тогда тебя... Кстати, я тебя не зашибла?

– Нет, я не имею физического тела, плотной материи, а тонкой материи нельзя нанести вред физическими телами.

– А какими можно?

– Чаще всего – эмоциональными.

– То есть?

– А то и есть, когда человек испытывает сильные эмоции, он может повредить свои тонкие планы. Ну слышала же – душа рвётся?

– Ну, да!

– Так она реально рвётся, это не вымысел и не красное словцо. Душа состоит из тонкой материи, и, когда испытывает сильную боль, в ней остаются разрывы или от неё остаются частички в каком-то болевом моменте, и человек про

него забывает, потому что очень больно помнить.

– И у меня такие разрывы есть?

– Конечно.

– Как в том моменте, со встречным КАМАЗом?

– Да.

– А её можно зашить?

– Зашить? – засмеялся Ангел. – Душа слишком тонкая, чтобы можно было её зашить.

– А что делать?

– Её можно исцелить, но для этого нужно быть в любви.

А ты живешь в войне.

– Я в войне? Я всем старюсь добро делать! Всем помогаю, а ты говоришь: «В войне».

– Твоя война внутри тебя идёт. Вот, что сегодня произошло, когда ты свечи стала менять?

– Ну как что? Ты же всё знаешь.

– Я знаю со своей позиции, а у тебя своё восприятие.

– Ну, я открыла капот, достала ключ, стала крутить. Свечи прикипели, и у меня не хватало сил их отвернуть. В это время остановился автобус с рабочими, и с десятков мужиков высыпали и направились в придорожное кафе. Проходя мимо меня, половина из них остановилась и наблюдала, как я мучаюсь. И ни одна сволочь не предложила мне помощь. Я была такая злая, что со злости сама отвернула эту свечку и утёрла нос мужикам.

– А говоришь не война. Разве это не война? Ты воевала

с машиной, с мужиками...

– Я не воевала, я чинила машину и ждала помощи, но они не помогли.

– А что тебе твой мастер сказал?

– Он сказал: «Остановишься, купишь свечи и попросишь каких-нибудь мужиков тебе их поменять».

– Вооот! А ты что?

– Ну вот ещё, просить я буду! Это же унизительно. Они что сами не видят, что мне помощь нужна?

– Так они тебе разве не помогли?

– Помогли. Спасибо, я со злости отвернула. А могли бы помощь предложить.

– Есть такая поговорка: «Не просят – не лезь». Если ты их не просишь, если считаешь, что это унизительно, если хочешь доказать, что ты сама со всем справишься, это состояние войны и есть. Войны за право быть мужиком!

– Мужиком? Я вовсе не хочу быть мужиком!

– Но ты выбрала мужской способ поведения, мужской способ решения задач, соревнование с мужчинами, доказательство, кто круче – это чисто по-мужски.

– Я не думала об этом. Я так привыкла. А разве можно по-другому?

– Можно. Можно по-женски! Просить и принимать помощь – это по-женски.

– Но я не хочу быть слабой!

– Сила женщины в её слабости. А не в том, чтобы доказать

мужикам свою силу. Сама же говоришь, что мужики слабые пошли.

– Ну да.

– Так вот, ни один нормальный мужик не будет с женщиной силой мериться. Это не по-мужски. Он ей уступит. Сильные и уступают. А те, кто рискуют с тобой мериться – теряют в твоих глазах всякий авторитет, потому что «как он посмел с женщиной тягаться».

– Ну, в общем-то да. Так и было. Но ведь я и, вправду, не знаю, как по-другому. Мама всегда все проблемы решала сама, потому что папы не было. И я решила, что так правильно.

– А ты попробуй по-другому. Попробуй послушать, чего тебе действительно хочется.

– Ну, мне хотелось, чтоб они мне помогли. Но и принимать помощь – это значит быть обязанной, значит, надо чем-то платить.

– Любому мужчине в радость помочь женщине, потому что, прося о помощи, женщина признает его силу, и он становится сильнее. В этом и есть сила женщины – позволить мужчине стать сильным рядом с ней.

– Интересно. Надо попробовать. Может и правда...

– Конечно, правда.

– А что же с душой делать?

– Слушать себя, понимать и принимать с любовью и благодарностью уроки, которые в каждой ситуации ты получа-

ешь. И тогда душевные раны сами исцелятся. Любовь для них как бальзам живительный.

– Хорошо, я попробую. А в том, первом моменте с КА-МАЗом, какой урок?

– Ну там же ты тоже хотела крутой быть. Подумай, как можно было по-другому.

– Ты прав, пожалуй. Я и сама летела, как тот сумасшедший. Но выводов-то не сделала.

– Вот именно. Не стоит рисковать жизнью, доказывая что-то кому-то. Жизнь тебе не для этого дана. У тебя есть более интересные задачи, которые надо в этой жизни реализовать... А ты всё убиться пытаешься?

– Всё, не пытаюсь уже. А какие задачи?

– В своё время всё узнаешь. А сейчас тебе пора. Езжай аккуратнее, пожалуйста.

– Спасибо. Я постараюсь, – сказала Света, заводя машину.

Она включила поворотник и выехала на дорогу, улыбаясь тому интересному, что предстояло ей в жизни. И давить до упора на газ ей уже не хотелось.

Волшебные тапочки

– Где мои тапочки? – раздражённо воскликнула Лена.

Она сидела на краю кровати, беспомощно глядя на паркетный пол.

Рыжий кокер-спаниель Флиппер быстро шмыгнул в прихожую. Он виновато выглядывал оттуда одним глазом, подметая пол своими кудрявыми ушами.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не трогал мои тапочки! – истошным голосом закричала Лена, и сама испугалась своего крика.

Флиппер скрылся из виду, а Лена подумала:

– Чего я так взбеленилась? Он ведь всегда играет с моими тапочками. Что меня так взбесило? Ведь я испытываю настоящую ярость. Из-за чего?

Её сердце учащенно билось, скулы были напряжены. Она сделала усилие и перевела внимание на дыхание.

– Вдох: Раз, два, три, четыре! Задержка дыхания: Раз, два, три, четыре! Выдох: Раз, два, три, четыре! Задержка дыхания: Раз, два, три, четыре! Вдох... – вслух сопровождала она счётюм своё дыхание, усиливая его успокоительный эффект.

Она посмотрела на пол и снова ощутила полную беспомощность, как будто перед ней не пол, а раскаленная лава или глубочайшая пропасть, скрытая под водой. И если она туда шагнёт, то непременно сгинет без следа.

– Какой-то бред! Что происходит? Почему я раньше не чувствовала этого?

– Потому, что муж вчера, по дороге на дачу, отвез ковёр в химчистку. А по ковру я могла спокойно ходить босиком! – ответила себе Лена.

– Но почему я не могу пройти босиком по голому полу? Почему? Почему? – Лена повторяла себе этот вопрос и не находила ответа.

Она уже не смотрела на пол и уже забыла про свою собаку, уигравшую её тапочки. Она вся была в состоянии поиска, поиска ответа на этот вопрос.

– Ковёр... – задумчиво перебирала она атрибуты.

– Ковёр! – воскликнула она голосом, означавшим найденный ответ.

Перед глазами у неё всплыла очень яркая картина из её детства.

Маленькая девочка Лена играет в куклы, сидя на ковре, который лежит посреди её комнаты. Ей стало скучно играть и захотелось пойти к маме на кухню. Она встала и побежала к двери, но у края ковра остановилась в поиске тапочек. Тапочек не было. А в голове звучали мамины слова, которая настрого наказывала:

– За край ковра без тапочек выходить нельзя! Босиком можно ходить только по ковру!

Мама не сказала почему нельзя босиком, без тапочек заходить за край ковра. А может, Лена не запомнила или не по-

няля. Но мама говорила таким строгим голосом, что Лена почувствовала опасность, которая оттуда, из-за края ковра исходит. И она сама придумала себе те страшилки, которых сегодня испугалась.

Елена поняла, что сейчас заново проживала все эмоции того момента. Она ощутила весь тот детский страх, всю беспомощность, с которой она стояла у края ковра и не могла сдвинуться с места.

Слёзы текли по её щекам, ком подступил к горлу. Она почувствовала, как тогда ей хотелось закричать, но она не могла. Мама просила не кричать, когда они с папой разговаривают. И она просто тихо плакала в ожидании, когда мама сама придёт с кухни в комнату.

А когда мама пришла, то стало ещё больнее и обиднее, потому что тапочки мама держала в руках. Она знала, что дочка не пойдёт босиком. Она специально их забрала, чтобы Лена им не мешала.

Лена вытерла слёзы. Она сидела молча, осознавая всё то, что достала из глубин своей памяти.

Через какое-то время она сказала:

– Конечно, мама боялась, что я заболею, гуляя босиком по голому полу, и учила меня беречь своё здоровье. Она всегда это говорила, и я это усвоила.

– В конце концов, у них с папой были разговоры, слушать которые мне было вовсе не обязательно, если не сказать, вредно, – продолжила она свои рассуждения. – А остав-

для меня одну, она научила меня самостоятельности.

– Ну, ещё я научилась сдержанности, ответственности, дисциплине... – всё бодрее перечисляла она полученные навыки и, погрузнев, добавила: – Правда иногда это мешает мне делать то, что я хочу.

– Хотя, если подумать, я делаю то, что хочу. Просто в каком-то ограниченном пространстве. Надо снять уже это ковровое ограничение. Я из него выросла! – констатировала Лена уже уверенным голосом.

– Спасибо, мой дорогой, что ты увез этот ковёр в химчистку, – с искренней благодарностью проговорила Лена обращаясь к мужу. Как будто с дачи, где он вчера остался ночевать, он мог её услышать.

– Спасибо мама! – обратилась она к их семейной фотографии, стоявшей на шкафу. – Пора уже отпустить эту обиду, она больше мне не нужна. Я поняла, что благодаря этому, многому научилась.

– Спасибо тебе, Флиппер, что упёр мои тапочки! – громко проговорила она, глядя в сторону прихожей. Но пса там не было видно.

Она оглядела комнату и засмеялась. Флиппер лежал у кровати, глядя на неё заискивающим взглядом, и вилял хвостом. Перед носом у него лежали её тапочки. За своими поисками и рассуждениями она не заметила, как пёс сюда перебрался. И, главное, он принёс тапочки, чего раньше никогда не делал.

Услышав, что хозяйка смеётся, поняв или почуяв (как там собаки это делают), что она больше не злится, пёс быстро вскочил и потянул к ней свою рыжую морду. Лена погладила его по голове, обняла и, нагнувшись, поцеловала в нос.

– Прости, дружище, что я на тебя так накричала. Просто мне нужно было выпустить весь этот подавленный крик, сдерживаемый годами. Я постараюсь больше так не делать. Думаю, что в этом не будет необходимости, – проговорила она подмигивая. В голосе её была любовь и нежность.

– Пошли завтракать, – потрепав пса за загривок, игриво сказала ему хозяйка.

Лена дотянулась до тапочек, поправила их, и пошлёпала босиком на кухню. Пёс радостно бежал рядом, выражая хвостом весь свой восторг.

Бизнес-леди и Женственность

Анна Петровна сидела в своем кабинете на 21 этаже бизнес-центра и смотрела сквозь стеклянную стену на загорающийся вечерними огнями город.

Она вдруг ощутила жуткое одиночество.

За дверьми её кабинета играла музыка, раздавались восторженные возгласы.

Она сидела и думала:

– Что со мной не так?

Все веселятся, повод замечательный: Танюшка из отдела логистики замуж вышла за Кирилла – нашего системного администратора. Они пришли отметить это событие в родном коллективе, потому что свадьбу решили отпраздновать скромно.

И вроде бы надо порадоваться за них, а она даже не может выйти в зал. Она едва смогла удержать дежурную улыбку, когда поздравляла их с этим важным событием. А потом, сославшись на необходимость доделать презентацию для своего выступления на заседании совета директоров, ушла к себе в кабинет.

Вряд ли кто-то заметил её отсутствие, и даже если заметил, то уж точно никто по этому поводу не переживает.

Её, конечно, уважают подчинённые. Она мудрый руководитель, которая в свои без малого 40 добилась таких карьер-

ных высот. Она умна, целеустремлённа, и руководство её ценит. Она не лишена чувства юмора, и мужчины ценят её шутки. Она красива и ухожена, у неё хорошая фигура, и мужчины часто оборачиваются ей вслед, и...

– И что? – родилось внутри неё возмущение.

– И всё! – прозвучал раздражённый ответ.

Они даже не подходят к ней. Иногда делают комплименты. И всё!

– Почему? – застучал в висках вопрос.

А внутренний диктор продолжал описывать её достоинства, как будто читал некролог на похоронах.

«Её считают успешной счастливой женщиной-руководителем....»

– Стоп!

Анна вдруг замерла и стала отматывать мысли обратно, как аудиозапись :

– Хм, счастливой... – ухмыльнулась Анна. – Ну, пусть считают.

– Так «женщиной» или «руководителем»?

Одно из этих двух понятий её сильно напрягло.

– «Руководителем» – да! А вот «Женщиной» – вряд ли.

Мужчины воспринимают её как свою, как равную. Ей неоднократно говорили, что у неё мужской тип мышления, видимо обосновывая для себя, что её можно принять в свой круг, что ей можно доверять. Они даже иногда шутят при ней о женщинах.

Значит, Женщиной они её точно не считают.

Да, собственно, и она себя Женщиной не ощущала уже давно, если вообще когда-нибудь ощущала.

Она достала сигарету и закурила.

– Даже курить вот стала! Тьфу! – подумала она про себя и потушила сигарету, едва сделав затяжку.

– А правда, когда я ощущала себя Женщиной? – вслух произнесла она. Её внутренний компьютер начал поиск.

Замуж она выходила рано и особой любви к мужу не испытывала. Он был ей интересен, казался ей умным, и был внешне привлекателен. Он был скромнен, и она подумала, что он может быть хорошим мужем.

Он и был «примерным» мужем, с общественной точки зрения: ни пил, не курил, был внимательным к ней, особенно на людях, ласков с ребёнком. Однако, её ожидания от семейной жизни не оправдались. Её интерес закончился, поскольку закончился запас его знаний, а за новыми он как-то не спешил. Она же постоянно училась и, в конце концов, ей стало невыносимо неинтересно. К тому же, его постоянные сцены ревности на ровном месте выводили её из себя. Она всегда была яркой женщиной, но никогда не давала ему повода ревновать и никогда не изменяла.

– Чувствовала ли я себя Женщиной тогда?

– Нет, не чувствовала. Она так и не проснулась во мне за все 10 лет семейной жизни.

После развода у неё была пара ярких страстных романов,

но они так и закончились ничем. Несмотря на то, что ни тот, ни другой не были женаты, отношения не афишировались. Она тоже замуж не хотела (во всяком случае, она так считала) и её, в целом, устраивал такой формат.

Но сейчас её вдруг охватило чувство вины за эти отношения.

– За что?

Ну да, отношения с Олегом она прекратила сама. Но он изначально сказал, чтобы она ни на что не рассчитывала, что жениться он не намерен. А Андрей просто исчез из её жизни. Сначала он стал появляться реже, потом они поссорились, и он перестал отвечать на её звонки. Она долго страдала, но в конце концов смогла простить его и стала обращать внимание на других мужчин.

Ей всё больше хотелось мужского внимания и заботы. И в поле внимания даже появился Вениамин Сергеевич – Мужчина, которым она восхищалась. Они недавно заключили контракт с одной из его компаний. Он обладал хорошим вкусом и особым шармом, ей нравилось его чувством юмора, его эрудиция и предприимчивость, его многогранность и щедрость. Он был внешне привлекателен и, по слухам, разведён.

При его явной симпатии и милом общении, он не предпринимал никаких попыток сблизиться с ней. И сейчас, когда за стеной праздновали свадьбу, ей было особенно обидно, что он её игнорирует как Женщину. Видимо, всё это и ак-

тивировало поиск причин и это необъяснимое чувство вины. Было такое ощущение, что оно появилось ещё раньше, ещё когда она была замужем.

Она вспомнила Валерия, своего двоюродного брата. В детстве они много общались, приезжая к бабушке на каникулы. А потом, повзрослев, постепенно общаться перестали.

Однажды они встретились на юбилее их общего дяди. Она была в отпуске у мамы одна, без мужа и не планировала никуда ехать, но её уговорили. Он тоже был один, без жены. И он, и она были за рулём, поэтому принимать активное участие в общем празднестве им было не совсем интересно. И они просто разговаривали. Всё время празднования они были вместе. Им было интересно вдвоём, интересно друг с другом. Они разговаривали о жизни, о карьере, об отношениях, о супругах – обо всём. Это было такое душевное, дружеское и в то же время, интимное общение, что, когда он посмотрел ей в глаза и взял её за руку, в ней проснулась Женщина. Она ощутила приятное тепло внизу живота и легкий трепет в груди. Она почувствовала то, чего не чувствовала раньше. Это было желание. Она понимала, ощущала, что он чувствует тоже самое. И в этот момент появились мысли о том, что она не может ничего такого чувствовать, не имеет права. Её охватил стыд, потому что это её брат. И потому что он женат, и она замужем. Все чувства вдруг перемешались. Ей стало страшно, что кто-нибудь узнает, жуткое чувство вины за своё желание поселилось в её душе. Они попро-

щались сдержанно и виделись с тех пор всего несколько раз, и в глаза друг другу старались не смотреть. Страх, желание, стыд и вину – всё это она носила в себе все эти годы.

– Вот оно, моё запрятанное чувство вины. И главное, за что? – возмущенно думала Анна. – За то, что я могу чувствовать!?! За то, что я – Женщина! Вот оно, моё решение «не показывать никому своих чувств, своих эмоций, стыдиться их». Отсюда и скрываемые отношения, – продолжала она свой мысленный монолог.

– Ведь я должна быть благодарна и ему, и себе за эту возможность чувствовать, быть живой, ощущать себя Женщиной. Да, это был наш маленький роман, длиною в несколько часов и один только взгляд. Это была близость другого уровня, это было душевное и эмоциональное единение. И это было прекрасно, – проговорила она вслух и радостно вздохнула.

По её телу разлилась приятная тёплая пульсирующая волна, идущая из глубин её женственности. Она улыбнулась и встала налить себе чай.

– Какие приятные забытые ощущения. Какая радостная энергия. Кажется, у меня даже походка изменилась.

Анна подошла к зеркалу и ей показалось, что она и выглядит как-то по-другому: свежее и моложе. Во всём теле была какая-то наполненность, лёгкость и даже игривость.

В дверь кабинета тихонько постучали.

– Да, войдите! – ответила она обернувшись.

– Анна Петровна, – полушёпотом начала входящая в кабинет секретарша Ирина. Но увидев её с чашкой чая в руках, улыбкой на лице и блеском в глазах, громко продолжила:

– Мы вас все заждались уже!

Услышав бодрый тон секретарши, в дверь одновременно заглянули несколько голов, и растянувшиеся в довольных улыбках, почти синхронно прокричали:

– Анна Петровна, мы вас ждём!

Анна Петровна улыбнулась ещё шире и сказала:

– Спасибо, уже иду!

Выйдя в зал из кабинета, она сорвала овации сотрудников, как будто это было её торжество.

Счастливая Танечка, прибежала обниматься, а её муж неожиданно для всех сказал:

– Какая вы сегодня красивая, Анна Петровна! Давайте выпьем за счастье!

Она кивнула, кто-то подал ей бокал с шампанским, и праздник продолжился танцами. Анна Петровна неожиданно для всех, да и для себя самой, легко встроилась в паровозик, зажигавший ламбаду, получая от этого несказанное удовольствие.

Когда ламбада закончилась, у неё в кабинете зазвонил телефон. Несмотря на то, что рабочий день был давно закончен, Ирочка быстро сделала отмашку, чтобы выключили музыку и взяла трубку.

– Анна Петровна, это Вениамин Сергеевич! – зажав труб-

ку рукой, прошептала Ира.

– Я отвечу у себя! – сказала Анна Петровна и пошла в свой кабинет.

Она сняла трубку, всё ещё улыбаясь происходящему, состоянию своей внутренней игривости, и ответила:

– Да, Вениамин Сергеевич!

– Доброго вечера, Анна Петровна! Надеюсь, ваше «да» – это ответ на моё приглашение поужинать...

Как найти нормального мужика?

– Я устала на себе тащить и детей, и мужа. Только где сейчас нормального-то мужика найдешь? Куда ни погляди – везде ведь такие! Да и бросить жалко – привыкла. Ведь вместе уже десять лет. Вон юбилей недавно справили! Вроде всё как у людей, живём в достатке, только счастья нет! – грустно говорила женщина лет сорока сидящим с ней за столиком кафе подругам. Тусклый взгляд, осунувшееся лицо, сутулые плечи, которые ещё сильнее подчёркивал деловой костюм. Она выглядела не просто усталой, а какой-то измождённой.

– Да, Катерина! Мой-то хоть и умный весь, и вон докторскую пишет, а к жизни вообще неприспособлен. Всё хозяйство веду сама. Он как придёт с работы – уйдёт в свою докторскую – не видит и не слышит ничего, как будто меня вообще не существует. И бросить его не могу, пропадёт без меня, – вторила Татьяна, уныло попивая коктейль. Она была какой-то отстранённой от реальности, и её мешковатая одежда только усиливала это ощущение.

– Вон, Людка тоже на своего жалуется, что ничего не делает, всё самой приходится! Да, Людок? – тоном, не терпящим возражений, спросила Катерина третью подругу.

– Всё так, девчата! Да, совсем обленился! Месяц просила гвоздь прибить и картину повесить на стену! Так вчера он мне знает, что сказал?

«Ты что, говорит, не знаешь, где у нас молоток лежит? Или пользоваться им не умеешь?» – Прямо выбесил меня! Говорю ему: «А ты, вообще, для чего мне нужен тогда?»

– И что он? – оживились подруги.

– А он? Он этот вопрос мне переадресовал. Говорит: «А и правда, скажи мне, для чего я тебе вообще нужен?»

– А ты? – с нескрываемым интересом подались вперёд её собеседницы.

– А что я? Я задумалась. Может, и вправду, развестись?

– Да ты что, дура что ли!?! – в один голос заорали подруги – Он у тебя добрый, детей вон как любит, и тебя любит!

– Любит! – со слезами завопила Людмила. – Только я этой любви не чувствую!

– погоди, сейчас Ирка придёт! Она после развода чуть не померла, расскажет тебе обо всех прелестях! Помните, как она после Васьки убивалась? Все думали, что она жива не останется! – не без сочувствия и доли иронии, пыталась умирить Людмилу Катерина.

– Девочки, привет! Рада вас всех видеть! Извините за опоздание, мужчина задержал! – сияя ослепительной улыбкой буквально впорхнула за столик Ирка. Это была стройная, стильная, яркая, лёгкая, радостная девушка, от которой разливался какой-то невидимый свет, наполняющий пространство теплом и уютом. Она явно не вписывалась в эту унылую компанию, и понять, что у неё общего с этими загруженными проблемами и замученными жизнью женщи-

нами, было очень сложно.

Девочки, сидевшие за столиком, разинули рты и замерли, глядя на Ирину.

Ирина, ничуть не смутившись, кокетливо произнесла:

– Изменилась я, да?

– Не то слово, супермодель! – процедила Катерина.

– Кто это? – недоумевающая молвила Татьяна.

– Ирка, как? – не отводя восторженного взгляда, как будто с небес сошла богиня, прошептала Людмила, забыв про слёзы и своё намерение развестись.

– Мужика крутого нашла, не иначе! – выдохнула Катерина.

– Мужика нашла. Позавчера! – хитро улыбаясь, подтвердила Ирка. – Но такой я стала не сегодня и не вчера, и не благодаря этому Мужiku. Совсем наоборот, благодаря тому, что я стала такой, я и встретила достойного Мужчину!

– А что тогда произошло? – начиная отходить от оцепенения, спросила Татьяна.

– Да, собственно, все события вы знаете. После того, как Василий меня бросил и ушёл к своей любовнице Лариске, я чуть не померла. Любила его без памяти, всё для него делала, о себе вообще думать перестала, им только жила. А он предал меня. Да вы сами видели, утешали меня, ради сына жить уговаривали. А я не могла. Не было во мне жизни! Жизнь моя в нём осталась, в Васе. И я тогда решила к этой Лариске на разборки пойти. Столько во мне злобы было к ней, только

эта злоба меня в жизни и держала. Я всё думала, как мне ей отомстить, за то, что счастья меня лишила. Спасибо, крыша совсем не съехала.

– И чё? – оживилась Катя.

– Выбрала момент, когда Вася на работе был, и пришла к ней в дом. Она открыла дверь, пригласила войти в гостиную, напоила чаем и фактически вернула меня к жизни.

– Как? – воскликнула Татьяна.

– Я ожидала встретить отпор, воевать за мужа пришла. А она не сопротивлялась. Говорит мне: «Он не баран, я его на аркане не вела. Василий не тот, кого силой можно увести. Он – Мужик, он сам решает, с кем ему быть. И я его решения уважаю. Если он решит уйти к тебе или к другой, я приму его выбор. Я посмотрю на себя, на то, что я не смогла ему дать. Почему он выбрал не меня? Что есть в ней, чего нет во мне? С этим буду разбираться. Потому что баран мне не нужен, не интересен. Потому что я себе не интересна такая, которая привлекает баранов».

– И вот слова её, девочки, так меня перевернули, что я её каждый день теперь благодарю! Ведь она мне глаза открыла на меня, на жизнь, помогла понять, как настоящее счастье получить!

Я смотрела на неё тогда и думала, вот в ней нет ни красоты особой, ни фигуры накачанной, ни побрякушек дорогих, но есть такая внутренняя красота и сила, против которой настоящие Мужики бессильны. И поняла я, что сила эта –

в принятии. В принятии своей женственности, своей естественности, своей неидеальности даже, в принятии жизни, в принятии Мужчины, его права решать и быть Мужчиной. И в этом есть такое женское достоинство, которого я не видела раньше. Никто не учил, никто не показывал. Дед погиб на войне, мама его даже не видела. Отец погиб, я его почти не помню. Так что женщины и за себя, и за мужиков были. И я такая же была. А Василия встретила, силу его увидела, поняла, что нельзя с ним силой мериться, слабой надо быть. А как слабой быть и себя не потерять, не знала. И вот Лариса мне показала, какая должна быть Настоящая Женщина! И я стала потихоньку учиться. И в интернете курсы разные проходила, и вживую, и Лариса, спасибо, подсказывала.

– Так ты что с ней общаешься сейчас? – с изумлением спросила Людмила.

– Да, мы подружились с ней, и с Василием общаемся. Он мне тоже очень помог. Ведь это благодаря ему, тому, что он ушёл тогда, все изменения в моей жизни и начались. Он мне говорил и раньше, только я не слышала его. Я не понимала, чего ещё он от меня хочет, я всем ради него пожертвовала. А он, напротив, всегда говорил, что я собой заниматься должна, и своими интересами, что себя уважать и любить надо. Говорил, что только когда ты себя любишь, тебя может кто-то любить, потому что ты знаешь, как тебя любить надо.

– Отпад! – выдала Катерина, – как в кино! И чё нам теперь делать? Вон, и Людка со своим развестись хочет! Чего нам

всем разводиться что ли?

– Девочки, я вам вот что скажу: сам развод ничего не изменит. Он не решит проблему. Если мы сами с ней не разберёмся, то и следующий брак ни к чему хорошему не приведёт! Проблемы-то внутри нас! Я вот, пока из Василия смысл жизни не забрала, не могла к нормальной жизни вернуться. А теперь вам и рассказывать ничего не надо, сами всё видите.

– Да, видим! Ты лет на двадцать помолодела! – откликнулась Татьяна.

– Да ты и в молодости такой красоткой не была! – на удивление, безо всякой иронии сказала Катерина.

– Вот именно, Катерина! Потому что я в молодости себя не любила, комплексовала и очень многих вещей не понимала.

Поэтому, дорогие мои, начинаем с себя, с любви к себе! Когда почувствуете её, когда раскроется внутри вас эта любовь, и женская суть ваша спящая пробудится, тогда и вашим мужьям захочется по-мужски проявляться рядом с вами!

– Ирка, а ты нам поможешь? – с опасением, что она может отказать, спросила Людмила.

– Конечно, дорогие мои, я с радостью помогу вам! Я расскажу всё, что знаю, только с одним условием...

– С каким? – хором насторожились подружки.

– Всё, что я скажу, будете делать и друг друга поддерживать, а не критиковать! Вместе легче будет.

– Согласны! – облегчённо выдохнули подружки.

– Отлично! Тогда запишите первое задание:

«Написать Оду себе любимой. Со всей любовью и благодарностью описать в ней всё, что есть в вас, чем вы гордитесь, чем восхищаются окружающие и даже, что не нравится в себе!» И главное, воспринимайте всё это с юмором, с радостью, как игру!

– Ой, сложно это как, – вздохнула Катерина.

– Катя, не грузись. Мы тебе подскажем! – вдохновлённо подбодрила Люда.

– А ты – нам, – добавила Татьяна, обнимая всех.

– Увлекательной вам игры, дорогие подружки, – задорно хихикала Ирина. – Официааант!...

Сказ о женской миссии

– Деда, вот ты учитель известный, тебя мудрецом считают. Ученики твои по всему миру разбросаны. И разные среди них: и обычные люди, и известные, и успешные бизнесмены, и профессора, и философы, и ученые, и астрономы, и врачи, и целители, и священники даже. И к тебе всё новые приходят, и все смысл ищут, миссию найти хотят. Ты возьми и меня тоже в ученики. Я тоже хочу смысл жизни найти.

– Не возьму. Девчонки, то бишь, Женщины – они все – эгоистки, – сходу отрезал дед.

– Нет, я не такая! – обиженно надула губы внучка.

– Ну и дура. Вот тебе 12 годков скоро, а ты даже вышивать не умеешь. А лезешь в мужские игры играть. Ни к чему хорошему это не приводит, – наигранно отчитывал её дед.

– Это мужчины смысл должны иметь, чтобы цели свои достигать. Их природа такая. Гибнут они без этого, от бессмыслицы погибают, – продолжал он. – А женщины, они для себя живут. И через это – мир украшают и смысл создают.

Внучка смотрела на него с недоумением.

– А как это?

– А, вон, на бабушку посмотри. Сидит себе, вышивает. А зачем? – спроси у неё.

– Бааб, а ты что вышиваешь?

– Наволочку на подушку цветами расшиваю, – любясь

своей работой, ответила бабушка.

– А зачем?

– Так чтоб красиво было, чтобы дед твой порадовался. Люблю я, когда он радуется. И вообще люблю, когда люди вокруг улыбаются. Значит, немного счастливее становятся. Вот ты смотришь на наволочки, покрывала, подзоры, ска-терти, занавески вышитые и улыбаешься. И другие – тоже. И мне от этого хорошо, – тепло улыбаясь ответила бабушка.

– Да, теплее как-то становится от этого, – порадовалась внучка. И тут же нахмурила брови:

– То есть, весь смысл в том, чтобы тебе хорошо было?

– Конечно, а в чём ещё? – хитро подмигнула она деду.

– Я так не хочу. Я хочу, чтобы мир счастливее становился! – воинственно заявила девочка.

– Так он и становится счастливее, – мягко включился в их диалог дед. – Я же улыбаюсь, значит становлюсь немножко счастливее. И ты тоже, и все, кто к нам в дом приходят. И я, этим счастьем наполнившись, его на своих Учеников тоже разливаю, пока им про смысл рассказываю. И это кроме того, что они, глядя на эти работы вышитые, тоже улыбаются. А ещё сколько бабушка твоя людям другим вещей расшила. Просто потому, что ей нравится, когда люди улыбаются, когда им теплее становится. Так она таким образом мир счастливее и делает. И наш с ней мир, и мир нашей семьи, со всеми детьми и внуками, и мир в целом, со всеми соседями и учениками. И ещё неизвестно, в чьих действиях больше

смысла. Просто она его по-своему, по-женски, через любовь несёт. И получает с любовью.

Внучка смотрела на деда, открыв рот. Потом повернулась к бабушке:

– Бааб, а ты меня вышивать научишь? – спросила она.

Видно было, что она всерьёз заинтересовалась всем сказанным и на вышивание посмотрела под другим углом.

– Конечно, внученька. Иди, садись. А ещё научу тебя, какой узор, какой смысл в себе несёт.

– О, ещё и узоры смысл имеют! Я-то думала, что рукоделье от безделья, – хихикнула девочка.

– Всякое действие смысл имеет, – улыбалась бабушка. – Просто если думать только о смысле каждого действия, то радоваться времени не останется, жизнь мимо пройдёт. Надо наслаждаться тем, что ты делаешь, и тем, что из этого получается. И будет тебе счастье, и через тебя – близким твоим.

– А ты что, деда не любишь? – осторожно поинтересовалась внучка шёпотом.

– Да кабы не любила, разве б красоту такую вышивала?

– А говоришь, что делаешь, чтобы тебе хорошо было? – спросила девочка, недоумевая.

– Конечно. Так ведь, когда мне хорошо, и ему хорошо. Вот я ему рубашку, к примеру, вышиваю. Я её любовью своей наполнила и обережными символами украсила. И он в этой любви живёт, он ей наполнен, и каждое его действие ей пропитано. И главное, он в ней неуязвим, ни одно злое слово

его не достанет. И я спокойна от этого, и он спокоен в этой рубашке любовью и спокойствием наполненной, – растолковывала бабушка, с улыбкой поглядывая на деда.

– А кабы я для него делала, – продолжала она, – я б тревожилась, старалась бы сильно, думала, вдруг ему не понравится. Ведь для другого человека – не для себя. И этой тревогой я бы и рубашку наполнила. А он бы эту тревогу на себя надевал и искал, что не так. И обязательно нашёл бы в этой рубашке то, что ему не нравится. Так мало того, и в делах бы его эта тревога ощущалась, и результат хуже был бы. Так мог бы и неудачи свои на мою рубашку списать.

– Дед, правда? – с недоверием спросила внучка у своего мудрого деда.

– Истинная! – кивая, ответил он. – Поэтому и говорю, что женщины эгоистками быть должны и делать то, что им нравится, а не про смыслы или миссии думать. Тогда и мы, мужчины, будем счастливы.

– Ах, вот оно как... теперь понятно.

Внучка задумчиво улыбнулась и взялась за пяльцы.

50 лет без него

Ангелы сидели на корточках молча, опустив свои крылья. Архангел стоял чуть в стороне, потупив голову. Казалось, что даже сияние их облачений потускнело.

– Я что уже умерла? – спросила Света. – Нет. Тогда бы мне не было так больно! – сама же и ответила она. – Как будто кол торчит в груди. Я не могу дышать.

– Пока нет, – подтвердил Архангел, – это инфаркт.

Света повернулась к нему и, скользнув взглядом по его золотисто-зеркальному облачению, замерла. В груди у неё зияла огромная дыра.

– Он не узнал тебя. Для тебя это равнозначно смерти, – ответил на её немой вопрос Архангел.

– Он не узнал меня... Я всё ещё не верю... Мне казалось...

– Сомнения оставили тебе шанс. Иначе ты умерла бы сразу.

– Почему? Напомните мне, я плохо соображаю сейчас.

– Ты решила, если он не узнает тебя, ты умрёшь. И так будет каждый раз.

– И это не первый раз?

– Нет. Это пятое воплощение, в котором он не узнал тебя. И эта огромная дыра образовалась, когда он сказал тебе, что выбрал другую. Твоя душа не выдержала боли и порвалась

на части. И эта часть так и осталась в том моменте. Вон, видишь?

Архангел показал ей момент времени и пространства, в котором висел кусок её души. Он был тёмно-серым от нестерпимой боли и походил на грозовую тучку.

– И что теперь? Я умру? – спросила Света.

– Это зависит от тебя, – ответил Архангел. – Ты можешь отменить это решение. Ты же уже проходила такой опыт. Ты можешь решить продолжить жизнь без Него и наполнить её другим опытом.

– А он?

– Он будет жить без тебя. И снова будет искать тебя в следующем воплощении.

– И что, в этом воплощении я так и не познаю счастья?

– Счастье можно познать в разных вещах. В конце концов то, что ты узнала его и почувствовала любовь к нему – уже счастье. В трёх прошлых воплощениях вы просто убили друг друга. Ещё в двух – ты покончила с собой.

– 50 лет без него?!... – обречённо выдохнула Света.

– Тебе всё равно эти 50 лет придётся ждать его там. Он же не решал умирать, если не узнает тебя. Правда, там время ощущается по-другому. Но это всё равно ожидание.

– Да... Умереть, наверное, проще, чем жить без Него. Такой опыт я ещё не проживала. Думаю, стоит попробовать.

– Да. И можешь ещё усложнить себе задачу. Прожить это опыт без страданий, наполнив его любовью, в первую оче-

редь, любовью к себе.

Ангелы вострепнулись и встали за её спиной.

– Да. Я отменяю решение «умереть, если он не узнает меня», – с лёгкой грустью, но уверенно и с интересом проговорила Света.

– Но как жить с этим? – встревоженно добавила она, показывая на отражение своей дыры в доспехах Архангела.

– Не волнуйся. Это мы исправим, – хором ответили Ангелы.

Они быстро взметнулись и притащили тот кусок её души, который висел в пространстве. Архангел расправил свои крылья, и откуда-то сверху на него пошёл поток света безусловной Любви, который он направил на Свету. Золотыми нитями Ангелы притачали эту серую тучку на место. Света периодически ойкала от боли, и тогда Архангел усиливал поток света, направленный на неё. Когда работа была закончена, ангелы разлетелись в стороны, открывая для обзора Архангела, в котором Света смогла бы оценить их работу.

На светлом фоне её души это уже не тёмное, но всё ещё серое пятно смотрелось не очень. Но ровные золотые стежки подсвечивали его и даже добавляли ему определённой красоты. От них по серому фону расходились светлые тоненькие лучики, образуя замысловатый узор.

Света грустно улыбнулась:

– Спасибо!

– Ты не грусти, – сказал один из Ангелов, – постепен-

но и этот кусочек заполнится светом. Ты, главное, любовью из своего сердца почаще его промывай.

– И швы ещё поболят немного, а потом рассосутся, и даже рубцов не останется, – добавил второй.

Света немного воспряла, любовь из её сердца стала разливаться по всей её душе, и теперь всё вокруг наполнилось её светом.

– Ой, как здорово! Спасибо, мои родные! – улыбаясь сквозь слёзы, сказала она и обняла своих ангелов.

– Тебе пора. Иди, – улыбнувшись сказал Архангел. И тоже приобнял Свету вместе с Ангелами своими огромными золотыми крыльями. Ангелы сразу стали какими-то совсем маленькими, на его фоне и практически потерялись в его объятиях. Но это никак не умаляло той любви и тепла, которые исходили от них.

– И помни, мы всегда рядом! – в один голос проговорили они.

– Она пришла в себя, доктор! – воскликнула молоденькая медсестра.

– Что ж вы так кричите! Вы же больную перепугаете. Вот испугается и обратно убежит... – улыбнулся доктор, заходя в палату интенсивной терапии.

Светлана слегка улыбнулась его шутке.

– Ну вот и отлично, уже улыбается! – бодро сказал доктор, присаживаясь рядом с её кроватью. – Тебе, милочка, ещё

лет 50 тут придётся улыбаться. Организм у тебя здоровый, так что не прикидывайся, сбежать раньше срока не удастся. А сердечные раны... они тоже зарубцуются. Придётся научиться любить себя.

И считай, что это основное лекарство, которое тебе доктор прописал!

Право на крик

Алёна, стиснув зубы, глядела в окно иллюминатора. Мягкие пушистые облака лежали внизу и искрились на солнце. Но даже этот восхитительный вид не мог её успокоить. Полёт был просто ужасным.

Рядом с ней сидела мамаша с двухлетней девочкой, которая постоянно что-то кричала. Когда самолет взлетал, она гудела и визжала, изображая рёв двигателя. А на замечание, сделанное Алёной, её клушка-мамаша сказала:

– Ну что вы, это же ребёнок! Она очень боится рёва самолета. Ей нужно как-то справляться с перегрузками.

Потом девочка тянулась к иллюминатору, визжа от восторга, когда за окном появились сияющие облака. Потом она во весь голос пела песенку. Все вокруг умилялись, Алёну же трясло от раздражения. Её тонкий музыкальный слух не мог переносить, когда не попадают в ноты.

В дополнение ко всему, соседка-мамаша сказала Алёне, видя её раздражение:

– Вот будут у вас свои дети, тогда поймете.

Своих детей у Алёны не было и, возможно, уже никогда не будет. И, наверняка, это тоже сыграло свою роль в её раздражении. Просто Алёна не хотела, боялась в этом признаться даже самой себе.

– Лёха! Привет! – донеслось с соседнего ряда.

– О, здорово, Серёга! – заорал сидящий впереди неё мужчина так, что Алёна вздрогнула.

– А ты вообще не изменился за 10 лет, прямо как вчера дембельнулся, – прилетело с противоположной стороны.

– Зато ты заматерел, – парировал сидящий впереди Лёха.

Алёна заскрежетала зубами. Встреча двух бывших сослуживцев, восторженно перекрикивающихся практически через неё, поскольку один сидел перед ней, а другой – на противоположной стороне, её никак не радовала.

Их диалог разносился на весь салон. Поменяться и пересесть на место её соседа никто не захотел, и им пришлось продолжить своё общение так.

Уже все знали о том, что с женой Серёга развёлся, потому что она «тупая курица с царскими запросами», и что дети все в неё и в тещу, о том, какой козёл был их прапор, о том, как они издевались над Васькой, имя которого они долго вспоминали, потому что звали его не иначе, как «ушастое чмо».

Когда речь зашла о медсестре Танечке и о том, как Лёха за ней ухлестывал, женщина, сидевшая рядом с Лёхой, встала и пошла в направлении Серёги. Она решила пересесть на его место, чтобы сослуживцы смогли пообщаться спокойно, не нарушая покоя всех пассажиров салона.

Серёга, перебравшись через сидящего с краю мужика, свесился над своими сиденьями и, дыхнув перегаром, выдал:

– Какой тут цветник! Девочка, тебе папа не нужен? – обратился он к малышке. И не дожидаясь ответа продолжил: –

Я не прочь поразвлечься с твоей мамой! – и, переведя взгляд на Алёну, подмигнул:

– И ты тоже ничего! Ну что, красотка, развлечёмся?

Алёна ощутила леденящий ужас во всём теле. Он, как липкое серое амёбообразное существо обволакивал её своими щупальцами. Ей стало тяжело дышать, как будто они сдавили её грудь. Ей хотелось кричать, но у неё было такое ощущение, что рот её просто заклеен. Холодный пот покрыл всё тело. Она вспомнила то, что пыталась забыть уже 10 лет.

В памяти всплыл сумрачный парк, по которому она возвращалась с практики, когда трое пьяных парней, перегородили ей дорогу. Память очень чётко явила ей их наглые лица, нет рожи, которые поочерёдно приближались к её лицу, оказывая перегаром. Их слова, липкие и противные, пронизанные унижением, вызывали тошноту. Ноги, да и всё тело стали какими-то ватными и неуправляемым. Все самые страшные картинки того жуткого насилия всплывали в её памяти, удушая её тем коктейлем эмоций, который она испытала тогда: жуткой болью и леденящим ужасом, брезгливостью и беспомощностью, чувством вины и позором. Она как будто снова чувствовала телом всё происходящее.

Из этого состояния её выдернул крик:

– Отвалиии!!! Жена от тебя правильно сбежала, потому что ведёшь себя как твой козлина-прапор. Чтобы тебя ценили и уважали, ты и сам себя уважать должен, и других тоже. И жена, и дети тогда тебя ценить и любить будут. И не при-

дётся жить, как бездомному псу. Вали на своё место и не трави мне ребёнка перегаром и своими дерьмовыми мыслями.

Серёга как-то обмяк и медленно стёк на кресло. Видимо, сказанное попало в точку и задело за самое больное.

– Извините, – процедил он. И, как побитый пёс, поплёлся на своё место.

Всё произошло так быстро, что весь салон как будто замер. Никто больше просто не успел среагировать и встать на защиту. Стюард появился, когда женщина уже возвращалась на своё место и в салоне стояла тишина.

Алёна наблюдала за всем этим всё ещё пребывая в оцепенении.

И тут соседка легонько толкнула её локтем и протянула мятный леденец и бутылку воды, со словами:

– Попей воды, тебе надо. А потом леденец, полегчает.

Второй леденец она дала дочке, мирно рассматривающей картинку в книжке. Казалось, что она никак не отреагировала на всё происходящее.

Алёна послушно взяла бутылку и жадно выпила сразу половину. Её постепенно отпускало. Она развернула леденец и засунула в рот. Мятная прохлада освобождала дыхание.

– Спасибо, – натужно улыбнувшись, сказала Алёна. – Быстро Вы с ним! – добавила она.

– Материнский инстинкт, – улыбнувшись, ответила соседка. – Меня, кстати, Катя зовут.

– Алёна!

– Так вот, Алёна, кричать иногда бывает очень полезно! Интеллигентность – это, конечно, хорошо, только хамы так не понимают. С ними на их языке говорить надо. Кстати, крик меня по жизни много раз выручал, поэтому я и дочке кричать разрешаю.

– Да, пожалуй, вы правы, – немного смягчившись ответила Алёна.

Алёна вспомнила, как они с мамой были в зоопарке, когда ей было лет 5. Она визжала от восторга, глядя на жирафа, и громко хохотала, глядя на мартышку. А мама каждый раз её одергивала, говоря, что неприлично так громко кричать и смеяться. И когда они шли домой, вся радость от посещения зоопарка куда-то подевалась. Да и потом, она уже больше так не радовалась, как будто радость осталась там, как будто ей не разрешили её взять с собой.

– Смотри, когда ребёнок радуется, он открыт миру и мир открыт ему. Когда родители радуются вместе с ним, он получает подтверждение этому, – словно услышав мысли Алёны, продолжила Катя. – Когда ему страшно и он кричит, родители, обнимая его, разделяют его страх, защищают его. Они показывают ему, что бояться нормально, и помогают найти способы справиться со страхом.

– Да, мой папа не понял мой страх, когда я потеряла его из виду в лесу. Мне было очень страшно. Я кричала и звала его. А он был рядом, но не отзывался. Потом он возник за моей спиной и сказал: «Что ты орёшь! Трусиха!» И на мои

вопросы, почему он не отзывался, сказал, что учил меня быть смелой, и что плаксой и трусихой быть стыдно. Он так и не обнял меня, только посмеялся над моим страхом. И мне стало стыдно за него. И кричать стало стыдно.

– Бояться и кричать не стыдно. Стыдно идти против себя, делать то, что тебе неприятно и не делать то, что тебе хочется, – с принятием поддержала её Катя.

– Да, наверно, ты права, – задумчиво сказала Алёна, даже не заметив, что перешла на «ты».

В этот момент Катина дочка затянула очередную песенку. Алёна улыбнулась. Её уже это не раздражало. Внутри неё раскрывалась забытая там в зоопарке радость. Ей захотелось подхватить эту песенку, и она вместе с малышкой запела:

– От улыбки в небе радуга проснётся... – она пела почти шёпотом, но даже этот шёпот вызвал восторг и у неё самой, и у девочки, и даже у Кати.

– Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз ещё вернётся! – включилась в этот хор Катя, и они дружно рассмеялись.

Тем временем, самолёт приземлился. Алёна проводила Катю с её дочкой и распрощалась с ними в здании аэропорта.

Она медленно шла по терминалу и вспоминала Мишу. После той жуткой истории в парке, волна позора просто захлестнула её.

Больница, милиция, родители, её снова и снова спрашивали, как всё произошло. Её просили описать внешность насильников, спрашивали почему она не кричала. Она снова

окунулась в эту липкую боль, стыд и страх. Стыд за то, что это произошло именно с ней, и за то, что она ничего не смогла сделать. Стыд за то, что она не смогла даже закричать. Она не выдержала, это было слишком больно, и она отказалась участвовать в этом. Самое страшное было в том, что она не могла смотреть Мише в глаза. Она чувствовала себя поруганной, униженной, опозоренной. Она считала, что теперь не достойна той чистой и светлой любви, которая была между ними. Алёна просто сбежала. Она села в поезд и уехала из столицы в провинциальный городок, где работала её школьная подруга. Она устроилась продавщицей магазина. И даже документы в ВУЗе забрала только через год, переведясь на заочное обучение в ближайшем институте.

Она так и не знала, что стало с ним, с Мишей. Она сделала всё, чтобы он её не нашёл. Но она до сих пор любила его.

В этих мыслях она спускалась по эскалатору. Вдруг она подняла взгляд, и на соседней ленте, идущей вверх, увидела его. Сердце бешено заколотилось.

Он почти не изменился за 10 лет, только появилась складка между бровей. Он был весь в мыслях и не видел её.

Лента эскалатора уносила его наверх, увеличивая расстояние с каждым мгновением. Мысли мелькали с огромной скоростью.

- Что я ему скажу?
- Вдруг он не поймёт?
- А вдруг меня не простит?

– А что, если он давно женат, у него дети?

Вина за то, что она сбежала, ничего не объяснив, сменялась страхом, что он не поймёт, не простит.

И тут на Алёну новая волна страха. Это был страх, что она может никогда больше его не увидеть. Снова это липкое ощущение охватывало её.

Она вспомнила Катю и ее слова: «Иногда крик очень даже полезен» и, собрав все силы, закричала:

– Мииииишаааа!!!

Её голос как будто прорвался сквозь щупальца той липкой медузы, сковавшей её там, в парке. Он разнесся по всему терминалу и гулким эхом вернулся к ней.

Она почему-то увидела, как там, в парке, от этого крика врассыпную разбежались те трое.

И только после этого её взгляд, её внимание вернулось в реальность, где Миша уже бежал к ней по её эскалатору.

Слезы градом хлынули из её глаз. Он подхватил её на руки и поставил только в центре зала. Он вытирал её слёзы, говоря, что всё это время искал её.

А она просто плакала, не в силах вымолвить ни слова. Она дрожала, как осиновый лист на ветру. И он ещё крепче обнял её и сказал:

– Родная моя, не бойся, я с тобой. Прости, что тогда меня не было рядом, прости, что я не смог тебя найти. И теперь я никому не дам тебя в обиду и никуда не отпущу. Теперь всё будет хорошо.

От его объятий, от его слов, от его присутствия внутри у неё стало разливаться спокойное тепло.

– Это ты меня прости. Да, теперь всё будет хорошо, – прошептала она, уткнувшись в его плечо.

Виновата ли я, что люблю

«...*Виновата ли я, что люблю...*» – раздалось из открытого окна многоголосье нестройного и явно не совсем трезвого хора.

Ирину покорило. Вроде радоваться надо – нечасто сейчас услышишь, как люди поют, собираясь душевной компанией. А ведь это была хорошая традиция. Но Ире стало дурно. Ей стало тяжело дышать, сердце сжалось, и боль отозвалась внизу живота. Она прибавила шаг, чтобы быстрее миновать эту пятиэтажку.

Почему-то от мысли о том, что эти песни называют «страдания», потому что слушающие страдают от необходимости это слышать, она улыбнулась. И даже дышать стало легче. Она подумала, с чего вдруг её так «накрыло»? Пьяная компания что ли вывела?

– Ну, имеют право и пить, и петь. Время ещё не позднее, – ответила она себе.

Она замедлила шаг, наблюдая, как августовское солнце клонится к закату, играя в зелени деревьев своими яркими слепящим лучами. На тротуаре гордо расхаживают голуби, не обращая особого внимания на двух наблюдающих за ними из травы котов.

Ира немного успокоилась и снова подумала о произошедшем. Ей вспомнились мамины дни рождения, когда её по-

други собирались у них за праздничным столом и пели. Песни были разные, и эта – в их числе. Но ни одна из тех песен не вызывала у Иры такого стойкого неприятия, как эта. Её сердце сжималось, её начинало трясти от возмущения, и она старалась убежать. Она терпеть не могла эту песню. Даже тогда, в своём детстве, она понимала, что слова этой песни в корне неправильные. Это обвинение любви, или обвинение в любви, признание вины.

– Как будто за неё, за Любовь, обязательно нужно чувствовать вину, – подумала Ира и ей снова стало нехорошо.

Она остановилась и стала глубоко дышать. Потом, сочетая шаги и дыхание, дошла до ближайшей лавочки и присела.

– И всё же, что случилось-то? – пыталась она найти ответ.

Она шла на свидание и была влюблена и счастлива. Их с Игорем роман развивался по всем правилам, они оба были свободны от обязательств и планировали свадьбу.

Но, почему-то, Ирина почувствовала, ощутила, что она как будто виновата за своё счастье, за свою любовь.

– Перед кем виновата?

– Перед мамой.

Она вспомнила, как мама пела эту песню и поняла, что для неё любовь и была неразрывно связана с виной, потому что плодом той любви стала она – Ира. А отец её, как она узнала уже потом, став взрослой, был женатым мужчиной, намного старше матери.

– Но это мамина жизнь. Мне-то так не надо. Вряд ли ма-

ме станет легче, если и я стану несчастной. И я благодарна и ей, и отцу, хоть и не видела его ни разу, за то, что я – есть. И за то, что она мне вовремя рассказала, и я не впуталась в подобные отношения. Ну не совсем подобные, но всё же, – рассуждала Ира.

– Это я за них что ли вину перед Игорем чувствую? А я ведь и перед ним тоже вину чувствую. Бред какой-то! Не виновата я ни в чём. И во всех своих чувствах, которые были до него тоже нет смысла винить себя.

Всплыла почему-то бабушкина фраза: «Сама виновата, надо было нормального мужика искать». Она звучала каждый раз, когда мама с чем-то не справлялась или жаловалась на что-то, или болела... И периодически добавляла: «Любовь ей понадобилась...»

Ире было очень обидно за маму и ей даже хотелось поколотить бабушку. Но мама бы не одобрила. Да и сама она побаивалась бабушку и каждый раз просто убегала, чтобы не слышать этого. Только однажды не выдержала.

Лет в 12 Ира просила у мамы купить магнитофон, а та ответила, что у неё нет такой возможности, и что она на одежду новую ей едва заработала. Тогда бабушка опять встряла, сказав: «Сама виновата: надо было за Ваську замуж выходить, тогда б и деньги были. Вон он сейчас дальнбойщик, и дом у них с Любкой полная чаша...» Ирка не сдержалась и заорала на бабушку: «Что ты всё время только и знаешь, что мамку обвиняешь! Как будто неродная она тебе!»

Бабушка устало села на диван и сказала: «Так я же люблю вас, переживаю. Это ж я так, любя...»

Ира тяжело вздохнула.

– Вот ведь всё про одно... И песня эта дурацкая. Любовь – это вина, а вина – это любовь. Сплелись же, не разорвать.

– Бабушка, я не виновата! – раздалось с соседней скамейки. Ира обернулась.

Девочка лет пяти скакала вокруг сидящей на скамейке бабули, которая вероятно намеревалась повязать, пока внука в парке играет. Бабуля достала из своей сумки спицы с начатым двухцветным шарфом и запутанные клубки:

– Конечно не виновата, моя хорошая. Вы с Муркой вчера хорошо поиграли. Идём, будешь помогать распутывать. Бабушка вручила внучке розовый клубок, а себе взяла синий.

Ирина улыбнулась:

– И я разрывать не буду, – вернулась она к своим размышлениям. – Я расплету, развяжу эти ниточки-верёвочки, узелки, связавшие эти чувства: любовь и вину, мешающие свободно дышать и любить. Я распутаю, как тогда, когда с мамой поспорила, что пряжу, запутавшуюся, сама, без ножниц, без обрыва распутаю. Я долго распутывала-развязывала, но развязала. Я умею! И сейчас распутаю и смотаю в 2 разных клубка: Любовь – отдельно, вину – отдельно. Любовь оставлю, а вину выкину!

– Вина – это ведь не наказание, – объясняла бабушка

внучке. – Она как внутренний голос, голос совести.

– А как это? – удивилась внучка.

– Ну, когда чувствуешь, что не надо делать, а делаешь. Тогда сама вину чувствуешь. Даже когда тебе никто не сказал, что ты неправильно поступила.

– Теперь понятно, – задумчиво ответила внучка.

– Теперь понятно, – мысленно повторила Ирина. – Спасибо за подсказки. Не буду выкидывать, на полочку положу.

– Всё, распутали! – радостно закричала девочка.

– И я распутала! – представив себе два клубка, порадовалась Ирина. Она и не заметила за своим процессом, когда боль ушла и дыхание стало свободным. Отметила только сейчас.

– Я свободно могу дышать. Свободно могу любить! – констатировала она результат. И, довольная, улыбнулась.

В сумочке зажужжал мобильный.

– Ир, с тобой всё в порядке?

– Да, Игорь! Ой, я немного опаздываю. Буду через пять минут.

– Не спеши. Я жду. Просто беспокоился, – ответил Игорь и положил трубку.

Ирина почувствовала, как приятное тепло разлилось в груди от его слов, от его голоса, от его заботы. Она заметила, что по лицу её растеклась улыбка. От переполняющих её чувств, она как будто стала намного больше и легче. Она

почти вспорнула со скамейки. При этом, она не шла, и даже не летела, она неспешно плыла к нему на встречу, наслаждаясь этим всеобъемлющим чувством любви к нему и к самой жизни. Её переполняла благодарность к этой бабуле с внучкой, к своей маме, со всем её сложным опытом, к своей бабушке, которая тоже жила, как умела, и даже к этому нетрезвому хору...

Она почему-то отчётливо ощутила, как вечерний воздух стал насыщен ароматами предосенних цветов и яблок, и краски как будто стали ещё ярче...

А главное, тот клубочек вины так и лежал спокойно на своей полочке.

Зеркало

Жило-было Зеркало. Оно стояло в тёмной комнате, заваленной всякими ненужными вещами.

Изредка в него гляделись Хозяева.

Хозяин был очень надменный, всем недовольный и вечно злой. Ему не нравилось своё отражение. Ему вообще ничего не нравилось. Он говорил, что Зеркало испортилось и его надо выбросить.

А Хозяйка была такая усталая, замученная, что вообще едва отражалась. Поэтому и смотрелась редко. Ей тоже не нравилось её отражение. И она тоже думала, что Зеркало испортилось, но молчала. Она, вообще, почти всегда молчала. Зеркало даже не помнило её голоса.

В остальное время Зеркало отражало весь мрак этой захламлённой комнаты, занавешенные шторы, паутину в углах...

Ему тоже не нравилось то, что оно отражало. И оно уже стало подумывать о том, что Хозяин, вероятно, прав, и оно испортилось.

В один обычный мрачный день Хозяин подошёл к Зеркалу необычно возбуждённым. Рядом с ним был ещё Человек. Гость посмотрелся в Зеркало и очень спокойно сказал:
– Да нормальное у вас Зеркало.
Но Хозяин возмутился:

– Я уже решил его выбросить! Просто тут темно, и ты не видишь!

Чтобы не быть голословным, он подошёл к окну и резко раздвинул тяжелые тёмные шторы. Их так давно никто не открывал, что пыль посыпалась на Хозяина и он чихнул.

Из окна в комнату ворвались солнечные лучи. Они пробивались сквозь пыль и, когда она осела, осветили Зеркало.

Зеркало удивлённо приняло этот свет и отразило, разлив по всей комнате. Хозяин даже зажмурился.

А его гость также невозмутимо продолжал:

– Я же и говорю – хорошее Зеркало, вон сколько света отражает.

Хозяин посмотрел на Зеркало. Оно, освещённое солнцем, было таким красивым. Позолота на его деревянной раме замысловатым узором обрамляла его и добавляла достоинства и сияния. Было ощущение, что этот свет идёт изнутри.

Зеркало, наполнившись этим светом, ощутило всю свою красоту. Оно вспомнило, что только отражает происходящее. И вокруг столько прекрасного на чём оно может сфокусироваться.

Удивленный Хозяин подошёл к Зеркалу и заглянул в него. Он увидел заинтересованный взгляд статного мужчины, как —то резко помолодевшего от этого света. Он слегка даже улыбнулся себе, и свет отразился у него в глазах.

Он позвал Хозяйку, сказав ей:

– Посмотри, наше Зеркало не так уж и плохо.

Хозяйка, освещённая светом солнца и зеркала, проявилась. Зеркало отразило молодую красивую Женщину, слегка уставшую, которая с любопытством разглядывая себя, тут же расправила плечи. Золотые кудри локонами спускались на её лицо, и оно теперь казалось не бледным, а сияющим чистой. Наконец, она улыбнулась, и её зеленые глаза засверкали изумрудами.

Все ахнули. Даже Зеркало замерло, восторженно отражая эту красоту, боясь что-то упустить или спугнуть.

Хозяин смотрел на Хозяйку, не отводя глаз. В них появилось столько тепла, сколько она не видела уже давно.

– Какая же ты у меня красавица, моя Королева! – промолвил он. И в его словах смешались изумление и восторг, почтение и трепет, любовь и нежность.

– Да, мой Король! – улыбнулась она. – Моя красота раскрывается рядом с твоим королевским величием, твоей незыблемой уверенностью и внутренним достоинством, твоей силой и мудростью. Её голос звучал как мелодия, гармонично сочетающая в себе легкость нежности и силу восхищения.

Зеркало сияло, отражая своих счастливых Хозяев.

А Гость, улыбаясь, наблюдал со стороны. А потом сказал:

– Так что с Зеркалом?

– С ним всё в порядке, – ответил Хозяин. – Да и с нами уже тоже. Давай лучше займемся этим хламом, который мешает свету.

Вырванные страницы

– Мама, ну как же вырвать страницу? Ведь я там уже всё домашнее задание написала и ошибку исправила! – возмущалась Катя.

– Но твою ошибку увидит учительница и снизит тебе оценку. Она уже не поставит тебе пятёрку, – деловито сказала мама.

– Почему? Я же сама нашла ошибку, и сама её исправила! – не унималась Катя.

– Давай аккуратненько вырвем листок, и ты всё заново перепишешь. Тогда она ничего не узнает о твоей ошибке. Говорю же тебе, на черновик сначала пиши, – настаивала мама.

– Я не хочу переписывать заново! – возмущалась дочь.

– А я говорю, перепиши! – повысив голос, сказала мама. – Хорошо, что страничка новая, переписывать не много.

– Не буду я переписывать! – упиралась Катя.

– Будешь! – скомандовала мать. – И пока не перепишешь, из-за стола не выйдешь!

Катя заплакала. Ей было очень обидно. Она так старалась, выписывала каждую букву, каждую цифру, но в ответе ошиблась. Она очень аккуратно зачеркнула ошибку и написала верный ответ. Она хотела порадовать маму, думала, что мама её похвалит.

А мама не оценила её стараний. Мало того, заставляет вы-

рвать и выбросить лист, в который Катя вложила столько сил.

– Внимательнее надо быть, сколько раз тебе говорить! Тогда и переписывать не придётся. И нечего реветь! – раздражённо сказала мама и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Катя разревелась ещё сильнее.

Марина пошла в кухню, сделать себе кофе, чтобы немного успокоиться. Она была очень расстроена. Она так хотела, чтобы дочка училась на пятёрки. И ведь она может. Но её невнимательность ей мешает и она делает ошибки.

Марина сварила себе кофе и устало опустилась на стул. Она даже не чувствовала кофейного аромата, который так ей нравился. Но сделав несколько глотков, она и впрямь немного успокоилась.

Катя вошла очень тихо. Она встала в дверях и какое-то время смотрела на маму, а потом тихо сказала:

– Мам, а ты все свои ошибки вырывала?

– Я старалась, – ответила Марина, от неожиданности не успев подумать.

– Так значит и меня в твоей жизни нет? – ещё тише спросила Катя.

– Как это нет?! Ты что такое говоришь?! – испуганно завозмущалась Марина, сорвавшись с места и обнимая дочь.

– Ну ты же сама говорила, что мой папа – это твоя ошибка, поэтому ты с ним и развелась. Но если ты, как ту страницу, его из жизни вырвала, то меня получается нет? – шептала Катя, отстраняясь.

– Ты есть! Я тебя очень люблю! Прости меня, пожалуйста! – со слезами и мольбой в голосе прижимала она дочь ещё крепче.

– А папа? – осторожно спросила Катя.

– И папа есть! – дрожащим голосом вымолвила Марина. Ей было трудно это сделать.

– Тогда я тоже есть, – облегченно вздохнула Катя и прижалась к маме. – Так я не буду вырывать страницу?

– Нет. Это была не самая лучшая идея. Прости, – ответила Марина. – Собирай портфель, умывайся и ложись спать.

Катя радостно обняла маму, поцеловала её и побежала к себе в комнату.

Марина вернулась за стол и отхлебнула остывший кофе.

Она всё ещё была в шоке от услышанного. Она всю жизнь старалась быть прилежной и очень болезненно реагировала на ошибки. Она вспомнила, как ругала её мама, как учительница говорила: «Стыдно, Марина, делать такие глупые ошибки», и она очень старалась не делать ошибок. Но у неё не очень получалось.

И её выбор мужа Маринина мама считала ошибкой. Да и она сама, спустя пару лет это поняла. Он не был таким идеальным, каким ей казался поначалу. Он оказался груб, малообразован и раздражал Марину своими глупыми шуточками.

После развода Марина старалась оберегать Катю от общения с ним и его родителями. Она боялась, что они научат её своим манерам, своему узкому мышлению.

Она очень любила Катю и старалась дать ей всё самое лучшее.

Оказалось, что узкое и ограниченное мышление было у неё самой. Она и вправду жила так, как будто ошибки можно не просто зачеркнуть, их можно вырвать из жизни, как страницы из школьной тетради, и забыть о них навсегда. Как будто тогда всё можно написать заново, начисто.

Но начисто не получалось. Получалось, что в её тетради жизни практически нет исписанных страниц. Получалось, как будто всё это время она не жила. Она просто вырвала страницы из своей жизни.

У Марины застучало в висках и потемнело в глазах. Она снова отхлебнула из чашки свой холодный кофе и глубоко вздохнула.

Катя уже давно улеглась, даже не пожелав ей доброй ночи. Но им обоим сейчас было не до этого.

Марина думала, откуда в её дочке, в этой маленькой девочке в неполные 8 лет, столько мудрости? Может быть и правда от её отца. Может это та житейская мудрость его простых деревенских малообразованных родителей, которой не учат в школе?

Марине нужно было принять всё то, что так она старательно пыталась забыть – свою жизнь.

Она перебирала заново все отношения с Катиным отцом, своим бывшим мужем. Она вспоминала всю свою боль, все обиды и разочарования, всю вину в отношениях и за то, что

Он – её выбор. Она заново проживала всё это, восстанавливая вырванные страницы жизни, о которых пыталась забыть. Слезы текли градом, но она их не останавливала, лишь изредка вытирала кухонным полотенцем.

Она понимала, что вместе с ними в ней восстанавливается та жизнь, которую она совсем перестала чувствовать.

За окном светила полная, как медный пятак, луна, помогая Марине глубже погрузиться в свои переживания. И она проживала заново каждое мгновение, ощущая какое-то облегчение и освобождение. То, что она тщетно старалась получить, пытаясь забыть, вычеркнуть, вырвать своё прошлое.

И постепенно стало всплывать и всё хорошее, что было в их жизни, в их отношениях, всё то счастье, которое было вырвано вместе с неприятием боли. Это счастье от того, что есть, наполняло её новой силой, радостью, трепетом. Осознание, что у неё, у них такая замечательная дочь, переполняло её благодарностью к Катиному отцу, к его родителям.

Нет, это не было желанием всё вернуть, восстановить семью и попытаться заново построить отношения. Она прекрасно осознавала, что они слишком разные для этого и что у них разные пути. Но тот путь, тот отрезок, который они прошли вместе, очень ценен для неё самой и для её дочки.

В этих размышлениях она провела всю ночь до самого рассвета. С первыми солнечными лучами она потянулась и улыбнулась.

Она осознала, ощутила, что ей стало удивительно легко.

Голова была светлой и легкой, как будто и не было этой бессонной ночи.

Она сварила себе кофе и, наслаждаясь его ароматом, медленно смаковала каждый глоток. Она улыбалась солнечным лучам, себе, своим осознаниям и радовалась своему состоянию. И только потом, насладившись этим, стала готовить завтрак.

Проводив дочку до школы, она обняла её и сказала, что любит, независимо от того, какие оценки она получает.

Счастливая Катя побежала на уроки, а Марина отправилась на работу.

День, несмотря на бессонную ночь, сложился очень хорошо. Она доделала свою презентацию, и руководитель оценил её старания, похвалив за то, что она учла все свои предыдущие ошибки, сохранила всё лучшее и добавила креативных идей. И даже пообещал ей премию.

Вечером Катя встретила её радостным возгласом:

– А мне учительница пятёрку поставила за домашку! Она сказала, что не тот лучше усвоил урок, кто не совершил ошибок, а тот, кто их увидел и исправил! Вот!

– Я очень рада, что у вас такая мудрая учительница! И ты у меня очень мудрая и я тобой восхищаюсь. Ты и мне помогла усвоить уроки, – обнимая дочь, сказала Марина. – Спасибо тебе, моя родная.

– Я тебя тоже очень люблю, мамочка, – крепко обнимая маму, сказала Катя.

– Хочешь выходные провести с папой? Я ему звонила сегодня, он едет к бабушке и хочет тебя взять с собой, если ты не против.

– Конечно, хочу! Здорово! Спасибо, мамулечка. Ты у меня самая лучшая, – закричала Катя, прыгая от радости.

Марина улыбалась. Она была спокойна, как никогда. И почему-то подумала: «Наверное, это и есть счастье».

Маска Бога

– Здравствуйте. А у Вас есть Маска Бога? – выпалил робко тонкий детский голосок.

Продавец, любовно развешивающий маскарадные маски на витрине магазина игрушек, явно был ошарашен таким запросом. Это было заметно даже по его спине. Он замер и даже не сразу обернулся. Пауза показалась слишком долгой.

Мальчик, которому на вид было лет 8—9, выглядел очень скромно и сильно волновался.

Он собрал, казалось, все свои силы и повторил громче свой вопрос:

– Скажите, пожалуйста, у Вас есть Маска Бога?

Продавец, отойдя от шока, обернулся и внимательно посмотрел на маленького покупателя. Мальчик был вполне приличным и аккуратным. Он явно не относился к хулиганам и разгильдяям. Скорее был из разряда «ботаников», такой робкий и неуверенный.

– Здравствуй. А тебе она зачем? – спросил наконец-то Продавец.

– Мне очень-очень надо, – сказал мальчик, оценивая, стоит ли доверить Продавцу свою тайну.

– Я понимаю, что ты не стал бы спрашивать без дела. Ты хочешь сыграть Бога в школьном спектакле? Или ты хочешь вершить судьбы и повелевать людьми? – пытался раз-

говорить мальчугана Продавец. Маски Бога у него, конечно, не было. Но он понимал, чувствовал, что для этого малыша это крайне важно.

Это был коренастый седовласый мужчина, немного похожий на Деда Мороза. Только борода у него была совсем короткая, как сейчас носят многие. Но взгляд был такой же добрый.

И мальчик решился рассказать.

– Понимаете, я прочитал в одной книжке, что если надеть маску Бога, то Бог услышит твои молитвы.

– Понимаю. И о чём ты хочешь его попросить?

– Моя мама, она болеет. Я хочу, чтобы он её вылечил. Она не верит, что поправится. Говорит, что для этого нужно чудо или много денег.

Продавец явно не ожидал, что всё настолько серьёзно. И был немного растерян.

– Я думаю, чтобы Бог слышал твои молитвы, маска не обязательна. Нужно доброе чистое сердце. А оно у тебя есть.

– Именно так, – раздалось у мальчика из-за спины. Там стоял мужчина средних лет. Одет он был с иголочки, как в фильмах про банкиров.

– Простите, я стал невольным свидетелем вашего разговора. Я читал эту книжку и хочу рассказать вам свою историю. Если вы позволите, конечно.

– Конечно, – оживился мальчик.

Продавец облегчённо кивнул, и мужчина начал рассказ.

– Меня всё детство унижали. И родители, и учителя, и одноклассники. Я ощущал себя полным ничтожеством. Но я очень-очень хотел заслужить любовь. Я прочёл эту книгу, где было написано, что нужно надеть Маску Бога, чтобы стать таким как Он, чтобы молитвы исполнялись.

Я тогда подумал, а что, если надеть «Маску Успешного Человека»? Может получится почувствовать себя таковым и чего-то достичь? Маску я не искал. Я представил, что надел её, представил себя успешным, уверенным, смелым, способным. И стал действовать именно так.

Было много испытаний в моей жизни, но я действительно стал успешным и богатым. В общем, я достиг уже многого, но ни любви, ни одобрения, ни признания от близких так и не получил.

В один прекрасный день, я понял, что я так и живу в том состоянии ничтожности, прикрываясь маской. Мне очень захотелось её снять, но я не понимал как.

Я стал искать того, кто мне поможет, и нашёл одного Мудреца.

Он сказал мне:

«На самом деле, эту задачу можно решить очень просто. Ведь, по сути, это не Маска получила все те достижения, а Ты. Ты сам! И это факт. Просто в детстве ты поверил в свою ничтожность. Поверил мнению значимых людей о себе. Тогда у тебя сложилось неверное представление о себе самом

и своих способностях: сформировался ущербный, травмированный образ себя. И чтобы выйти из-под груза этого образа ты надел „маску“, спрятался под ней, как под Шапкой-невидимкой, и стал проявлять свои настоящие качества. Но на самом деле, это была не маска, а, напротив, снятие с себя того ущербного костюма, который ты примерил с чужой подачи. А он тебе не подошёл».

И я тогда понял, что просто до сих пор не могу поверить и принять, что это Я, что Я – такой.

Я сказал ему: «Вы правы. Всё так и есть. Да, я и был таким. Просто сам как будто не имел права проявляться так, и „маска“ мне это право давала. Так было как-то безопаснее. А сейчас она мне вправду не нужна». Я поблагодарил его и понял, что чудеса творит наша вера: вера в Чудо, вера в Бога, вера в Маску, вера в Себя.

Ты сказал, что твоя мама перестала верить, и это действительно не очень хорошо.

– Да, я понимаю. Но я верю. Я знаю, что Он услышит. Спасибо Вам за Вашу историю, – вдохновился мальчик.

– А сейчас давай поедem к твоей маме в больницу. Только куплю дочке куклу, я ей обещал.

Мальчик кивнул.

Мужчина расплатился с Продавцом и, попрощавшись, вышел вместе с мальчиком.

Через неделю мальчик прибежал в этот магазин снова.

– Здравствуйте. Вы меня помните?

– Конечно помню. Здравствуй, – отозвался Продавец добродушно.

– Моей маме сделали операцию, и она уже выздоравливает. Это тот Дяденька всё оплатил, – радостно выпалил он.

– Вот, видишь, Бог услышал твои молитвы. И маска тебе не понадобилась, – порадовался Продавец.

– Да. Но ведь Он привёл меня сюда за Маской, – засмеялся в ответ мальчуган.

Женщина легкого поведения

Татьяна сидела в кресле и листала модные журналы. Фасон платья для торжества, посвящённого свадьбе своей племянницы, она уже себе выбрала и, в ожидании мастера, оценивала тренды текущего сезона.

Её взгляд задержался на одном красном длинном платье. Оно красиво облегало тело модели, держась на тонких перекрёстных бретельках и оставляло обнажёнными плечи и спину. Разрез, идущий от середины бедра, добавлял шарма и сексуальности. Платье не было ни вульгарным, ни пошлым, лишь подчеркивало стройность модели и её естественную красоту.

– Вам пойдет такой фасон, – раздался над головой приятный знакомый голос.

– Ой, что вы, Любочка! Разве можно! Я такое не надену! – зашебетала Татьяна.

– Напрасно, Татьяна, на вашей фигуре оно будет сидеть идеально и подчеркнёт вашу стройность и сексуальность.

– Но это же нескромно! Я выбрала совсем другую модель. Вот, смотрите!

Она открыла телефон и показала то платье, которое она себе выбрала. На фотографии была женщина лет пятидесяти, весьма габаритных размеров, в синем платье прямого кроя с белыми вставками по бокам.

– Такие модели не шьют меньше пятидесятого размера, поэтому я и пришла к Вам.

– Да, я помню Ваши предпочтения. Я неоднократно говорила, что они прибавляют Вам возраста. Но ведь Вас привлекло именно то платье! – не унималась мастер.

– Нет. То есть, да. Но мне нужно на свадьбу к племяннице... там будут все родственники, – смутилась Татьяна.

– Так это и хорошо. И где, как не на свадьбе, блеснуть всей своей красотой. Как раз это платье и позволит Вам расправить плечи и подчеркнуть вашу грудь, – настаивала Любовь.

– Я не хочу выглядеть женщиной легкого поведения! – выпалила Татьяна и вжалась в кресло.

– Ну, причем здесь это! Вы – молодая очаровательная женщина. Задача платья как раз в том, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры. И это платье – именно то, что Вам нужно, – парировала Люба и, посмотрев на Татьяну, замерла в оцепенении.

Татьяна выглядела очень испуганной, как зверёк, которого загнали в угол. Она была очень бледная, и слезы текли по её щекам. Губы дрожали, было видно, что её знобит, она едва сдерживала рыдания.

– Вам плохо? – наконец, выговорила Любовь.

Это был глупый вопрос. То, что Татьяне плохо, было видно невооруженным глазом. Люба, быстро сориентировавшись, налила из кулера теплой воды. Она подала стакан Татьяне со словами, сказанными тоном, не терпящим возраже-

ния:

– Пейте, это Вам поможет!

Татьяна взяла стакан и стала медленно, по глоточку, пить, глядя сквозь Любовь. Она была не здесь.

Перед её глазами, как кадры старого забытого кино, всплыли очень яркие моменты жизни, которые она наблюдала прямо сейчас и не могла оторваться.

Там, маленькая Танечка кружилась и пела. За столом сидели какие-то гости, она знала не всех, но это её не смущало. На этот праздник родители пригласили и своих родственников, и друзей. Из всех гостей ей очень нравилась тётя Рая, мамина сестра. Когда она приходила в гости или они встречались у бабушки, тётя Рая играла с Таней, всегда смеялась и была очень красивая. И сейчас, она только что танцевала вместе с Танечкой, а потом сказала, что хочет поесть и села за стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.